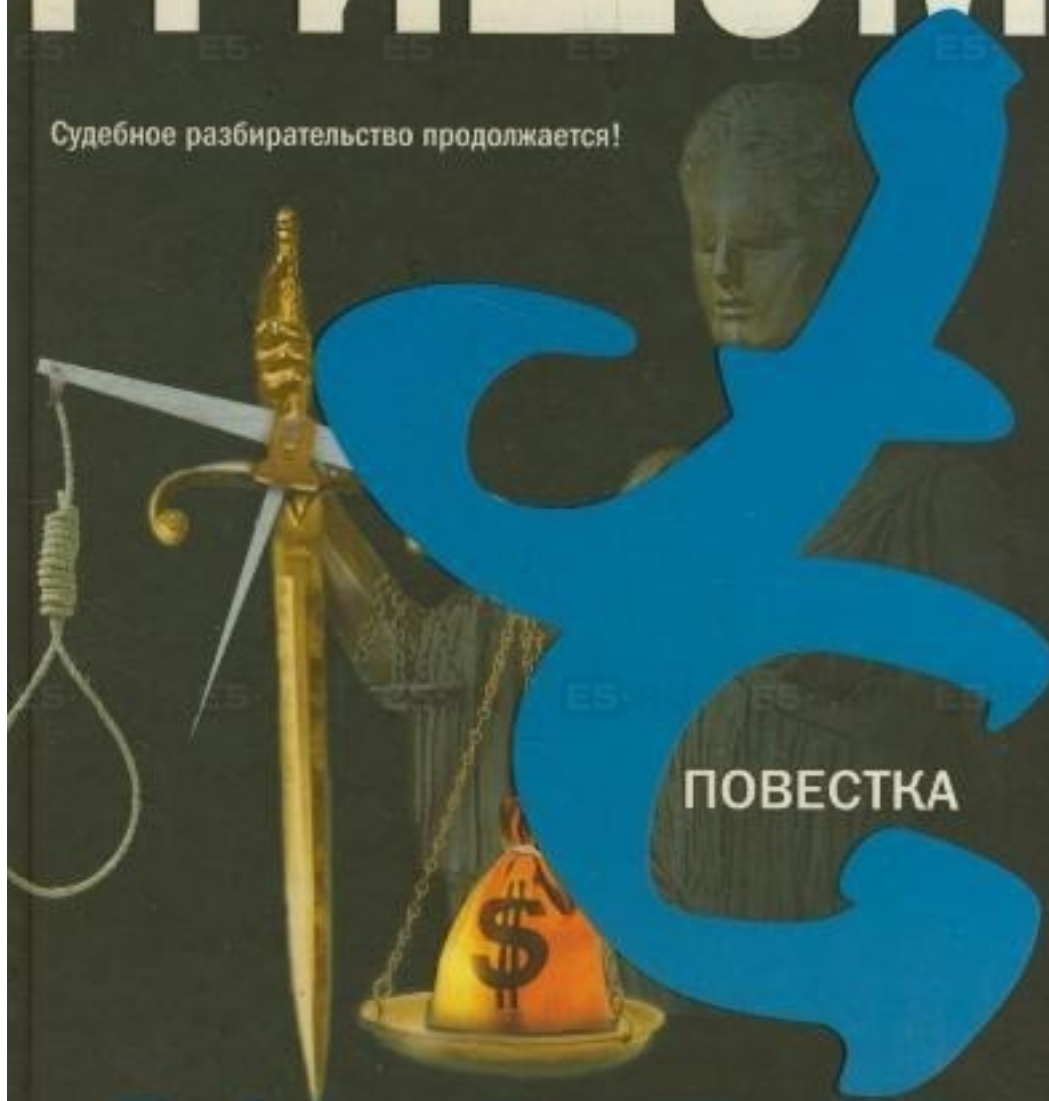

GRISHAM

ДЖОН

ГРИШЭМ

Судебное разбирательство продолжается!

ПОВЕСТКА

The International Bestseller

The International Bestseller

Джон Гришэм

Повестка

«АСТ»

2002

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

Гришэм Д.

Повестка / Д. Гришэм — «АСТ», 2002 — (The International Bestseller)

ISBN 978-5-17-044404-5

Официальная повестка с указанием времени и места разбирательства дела... Что в этом необычного для Рэя Этли, профессионального юриста, хорошо известного на американском Юге? Всего лишь – то, что таким странным способом вызывает его и брата домой отец – легендарный судья, прежде – один из самых влиятельных чиновников штата Миссисипи. Каприз одинокого старика, выжившего из ума? Так полагает Рэй поначалу. Однако когда отец гибнет при загадочных обстоятельствах и выясняется, что в доме спрятаны ТРИ МИЛЛИОНА долларов, он начинает всерьез задумываться о загадке странной повестки...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-17-044404-5

© Гришэм Д., 2002

© АСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джон Гришэм

Повестка

John Grisham
The Summons

© Belfry Holdings, Inc, 2002
© Перевод. Ю. Г. Кирьяк, 2003
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

* * *

Глава 1

Послание доставили обычной старомодной почтой – судье было почти восемьдесят, к тому же он не доверял современным новшествам типа электронной почты или факсов. Ни разу в жизни он не пользовался автоответчиком и вообще старался как можно реже подходить к телефону. Всю свою корреспонденцию он отстукивал двумя пальцами на древнем «Ундервуде», сидя за рассохшимся бюро под портретом Натана Бедфорда Форреста¹. Во времена Гражданской войны дед судьи плечом к плечу с Форрестом участвовал в битве при Шило², и даже сейчас во всей истории страны для его внука не существовало фигуры более значительной. На протяжении тридцати двух лет судья с неизменной твердостью отказывался вести какие-либо дела в день 13 июля – день рождения генерала.

Вместе с толстым журналом и счетами за электроэнергию письмо лежало в канцелярии юридического факультета, в ячейке профессора Рэя Этли. Конверт профессор узнал сразу: точно такие он получал еще студентом. Других отец, которого он, как и все остальные, называл просто судьей, не признавал.

На мгновение профессор задумался: вскрыть конверт сразу или сделать это чуть позже? Зная судью, определить, хорошие в письме новости или плохие, он не мог. В последние годы отец здорово сдал, так что рассчитывать на добрые вести не приходилось. Судья по толщине конверта, в нем находился, как обычно, один-единственный листок бумаги. Судья никогда не отличался пристрастием к эпистолярному жанру, хотя в былые времена обращал к присяжным пространные и почти страстные речи.

Без сомнений, письмо было чисто деловым. Пустословия судья не выносил ни в беседе, ни на бумаге. Попивая с сыном на крыльце дома чай со льдом, он неизбежно заводил разговор о давних баталиях, о Шило. Вину за поражение конфедератов отец возлагал исключительно на франтоватого генерала Пьера Борегарда³, человека, к которому он испытывал бы ненависть даже на небесах – если бы, волей случая, они там встретились.

Жить судье оставалось недолго. Рак желудка прогрессировал медленно, но верно. Избыточный вес, диабет, вечно дымящаяся во рту трубка, больное сердце (выдержавшее тем не менее три инфаркта) и множество других хворей, которые мучили его уже почти двадцать лет, предвещали скорый конец. Накатывавшая когда-то приступами боль стала неотступной. Три недели назад, во время их последнего разговора (звонил, конечно, Рэй – междугородные звонки судья считал непозволительной роскошью), голос отца звучал в телефонной трубке довольно невнятно. Они не проговорили и двух минут.

Обратный адрес был оттиснут на конверте золотом: Ройбен В. Этли, председатель суда, округ Форд, Клэнтон, штат Миссисипи. Рэй сунул конверт под глянцевую обложку журнала и вышел из канцелярии. Никаким председателем суда отец давно не был: девятью годами ранее избиратели отправили его в отставку, и от этого удара Ройбен Этли так и не оправился. Подумать только – тридцать два года безупречной службы, и досточтимые сограждане решили променять его на какого-то бойкого молодого человека, о котором узнали из рекламных плакатов!

¹ Натан Бедфорд Форрест (1821–1877) – торговец скотом, затем работорговец. Дослужился до звания генерала армии южан в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. По ее окончании стал организатором и первым великим магом Ку-клукс-клана. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Национальный военно-исторический парк, разбитый на месте знаменитого сражения 1862 г. Расположен в двух с половиной часах езды от Мемфиса, штат Теннесси.

³ Пьер Гюстав Тутан де Борегард (1818–1893) – генерал армии конфедератов, командовал войсками в Чарлстоне (штат Южная Каролина). Потребовал капитуляции форта Самтер и, получив отказ, приказал открыть по нему огонь, что стало началом Гражданской войны (12 апреля 1861 г.). Успешно оборонял подступы к Ричмонду в 1864 г., но на западе не смог противостоять войскам генерала Шермана.

Судья наотрез отказался принять участие в избирательной кампании. Сказал, что ему и без того хватает работы, что люди его знают и, если захотят, переизберут. Такую позицию многие сочли вызывающей. Получив всего одну пятую голосов, Ройбен Этли оказался не у дел.

На то, чтобы выселить его из здания окружного суда, потребовалось три года. Располагавшийся на втором этаже кабинет уцелел при большом пожаре и каким-то чудом даже избежал ремонта. Судья просто не пустил туда ни плотников, ни маляров. Когда власти все-таки убедили Этли оставить помещение (в противном случае они грозили выдворить его силой), он набил картонные коробки из-под блоков сигарет скопившимися за тридцать лет работы никому не нужными папками, блокнотами, старыми справочниками и перетащил бесполезный архив к себе домой. Разместить все это богатство в одной комнате не удалось, от его тяжести прогибались полки стеллажей в коридорах, гостиной и даже в прихожей.

Рэй приветственно кивнул знакомому студенту, обменялся парой слов с коллегой, вошел в свой кабинет и запер дверь на ключ. Положив корреспонденцию на стол, он снял пиджак и повесил на ручку двери, окинул взглядом хаотическое нагромождение книг. Черт побери, нужно все-таки выкроить время и навести хотя бы минимальный порядок.

Обстановка кабинета состояла из небольшого письменного стола, рабочего кресла и крошечной софы. Заваленный бумагами стол наводил на мысль, что хозяин его – человек чрезвычайно занятой. Но думать так было бы ошибкой. В весенний семестр Рэй читал лишь один курс – по антитрестовскому законодательству. Считалось, правда, что он пишет очередное исследование о промышленных монополиях. Труд был явно обречен на забвение, зато добавил бы лишнюю строку в список его научных публикаций. Как всяким уважающим себя профессором, Рэем двигало незыблемое правило академической жизни: «Печатайся либо канешь в неизвестность».

Опустившись в кресло, он локтем сдвинул к краю стола бумаги.

Письмо было адресовано Н. Рэю Этли, профессору юридического факультета Виргинского университета, Шарлотсвилл, Виргиния. Буквы «о» и «е» в тексте выглядели совершенно одинаковыми черными кружками. Новая лента «Ундервуду» отца требовалась уже лет десять, а шрифт в машинке не чистили, наверное, ни разу. Литера «Н» означала «Натан», в честь генерала Форреста, однако знали об этом единицы. Самая громкая ссора между отцом и сыном произошла тогда, когда по окончании школы молодой человек решил отказаться от первой части своего имени и идти по жизни всего лишь Рэем.

Все свои письма судья упрямо адресовал в университет, ни единым посланием не удостоив квартиру в центре города, которую занимал сын. Судья с большим почтением относился к научным степеням, званиям, титулам и прочим регалиям, свидетельствующим о статусе. Он хотел, чтобы жители Клэнтонна, хотя бы почтовые служащие, были в курсе, что его сын не кто-нибудь, а профессор юриспруденции. Впрочем, преподавал Рэй уже четырнадцатый год, и все в округе Форд, для кого данный факт что-то значил, об этом помнили.

Вскрыв конверт, он вытащил белый стандартный лист. В верхней его части типографским способом были отпечатаны строки с именем судьи, названием его прежней должности и полным адресом – за вычетом почтового кода: старик питал неизъяснимое отвращение к цифрам.

Обращался отец в письме к Рэю и его младшему брату Форресту – плодам неудачного брака, закончившегося в 1969 году со смертью их матери. Послание, как обычно, было кратким:

«Позаботьтесь о том, чтобы прибыть в воскресенье седьмого мая к пяти пополудни в мой кабинет для обсуждения вопроса о поместье.

Искренне ваш,
Ройбен В. Этли».

Гордая и четкая когда-то, выведенная готическими буквами подпись выглядела поблекшей и неуверенной. На протяжении многих лет благодаря ей вступали в силу решения, коренным образом менявшие жизни сотен, если не тысяч, людей. В свершившийся факт эта подпись превращала супружеские разводы, усыновление детей, лишение родительских прав. Она разрешала споры земельных собственников, мелкие семейные дразги или проблемы, которые вспыхивали между кандидатами на выборные должности. Она служила олицетворением закона. Росчерк судьи был отлично известен жителям округа Форд. Но сейчас он свидетельствовал лишь о старческой немощи.

Рэй знал, что в любом случае явится на зов. Только что он получил повестку, и как бы эта повестка, диктат отцовской воли, ни раздражала, сомнений не оставалось: в указанный час вместе с братом он предстанет перед его честью, чтобы выслушать очередную лекцию. Когда судья назначал кому-то время, он считался только с собственными интересами. Мнения других людей его не волновали.

По-видимому, судьям вообще мало присуще проявление заботы об удобствах и нуждах простого человека. Подобный склад характера объясняется постоянным общением с нудными и ленивыми адвокатами, себялюбивыми истцами и ответчиками, с нерешительными, вечно колеблющимися присяжными. Членами собственной семьи Ройбен В. Этли всегда управлял точно так же, как переполненным залом суда. Именно поэтому Рэй предпочел преподавать право в Виргинии, вместо того чтобы остаться практикующим юристом в Миссисипи.

Он еще раз прочел текст повестки, а затем отложил лист бумаги в сторону, поднялся и подошел к окну. Кусты жасмина во дворе стояли в полном цвету. Особого раздражения письмо отца не вызвало, ощущалось лишь чувство слабой горечи: судья так и не сумел избавиться от замашек деспота. Ладно, Господь с ним. Сколько старик еще протянет? Пусть потешит себя. Предстоящая поездка домой, наверное, одна из последних.

Поместье судьи всегда окутывала некая таинственность. Главной его достопримечательностью являлся, конечно, дом, построенный еще до войны руками того самого Этли, что сражался бок о бок с генералом Форрестом. На тенистой улочке где-нибудь в Атланте особняк стоил бы не меньше миллиона долларов – но только не в Клэнтоне. Дом стоял посередине заросшего диким кустарником участка в пять акров, который находился всего в трех кварталах от центральной городской площади. Полы в доме давно покоробились, крыша протекала, стены на памяти Рэя не красились ни разу. Продать эту недвижимость можно было от силы за сотню тысяч, причем безрассудный покупатель потратил бы вдвое больше, чтобы как-то приспособить особняк к жизни. Поселиться там не решился бы ни один из братьев, тем более что под отчим кровом Форрест не бывал уже лет десять.

Поместье носило гордое название – «Кленовая долина», как если бы представляло собой ухоженное владение со штатом прислуги, куда не реже раза в неделю съезжаются на званый ужин именитые гости. Последней работницей в доме была Ирен. Когда четыре года назад Ирен умерла, наводить порядок в комнатах стало некому и мебель покрылась толстым слоем пыли. Судья платил двадцать долларов в неделю местному алкоголику, чтобы тот регулярно подстригал траву, однако газон выглядел не лучшим образом. По мнению забулдыги, за восемьдесят долларов в месяц от него требовали слишком многого.

Насколько Рэй помнил, мать всегда звала особняк «Кленовой долиной». Обеды давали не дома, а в «Кленовой долине», да и проживало семейство Этли не на Форс-стрит, а в «Кленовой долине». Немногие из горожан Клэнтонна могли похвастаться тем, что их обиталище носит собственное имя.

Когда жизнь матери оборвала аневризма, гроб с телом установили в гостиной. За два дня через особняк проследовал почти весь город. Со скорбными лицами люди шли через гостиную и оказывались в столовой, где их ждали кувшины с пуншем и разложенные на больших блюдах

куски бисквита. Спрятавшись на чердаке, Рэй и Форрест в душе проклинали отца, который устроил подобный спектакль: ведь лежавшая в гробу молодая красивая женщина приходилась им как-никак матерью.

С мальчишеской поры Форрест именовал поместье не иначе как «Кленовой руиной». Красные и желтые клены, что некогда в изобилии росли на участке и окаймляли его, погибли от неизвестной болезни. Деревья спилили, но никому не пришло в голову выкорчевать пни: теперь они медленно превращались в труху. Окна парадного фасада затеняли четыре раскидистых дуба. С приходом осени листва облетала, однако никто ее не убирал. Время от времени какой-нибудь из исполинов терял прогнившую ветвь. Она с грохотом падала на крышу и, зацепившись за каминные трубы, оставалась там долгие годы. Годы шли, особняк ветшал, но какая-то необъяснимая сила удерживала его от окончательного разрушения.

Даже в теперешнем своем состоянии дом с портиком не утратил привлекательности. Величественный памятник собственному создателю, сейчас он служил печальным свидетельством былой славы семьи. Рэя с этим зданием уже ничто не связывало. Для него родовое гнездо являлось всего лишь источником безрадостных, разочаровывающих воспоминаний; каждый очередной приезд погружал в пучину тяжелой депрессии. Перспектива возвращения поместьем утраченного блеска представлялась ему черной дырой, которая без следа поглотит любые деньги. Нет, единственное разумное решение – пустить особняк под нож бульдозера. Что же касается брата, то Форрест скорее согласился бы сжечь дом, чем стать его новым владельцем.

Однако судья твердо рассчитывал передать поместье Рэю. «Кленовая долина» не должна уйти из семьи! На протяжении последних пяти или шести лет данная тема обсуждалась неоднократно, хотя формулировки обеих сторон звучали довольно туманно. Рэю не хватало мужества задать отцу простой вопрос: о какой семье идет речь? Дети сыновья так и не обзавелись. После развода Рэй не утруждал себя поисками достойной половины, а Форрест, расставшись с законной супругой, некоторое время наслаждался в компании многочисленных подружек – чтобы, нагулявшись, удовлетвориться необременительным совместным проживанием с толстой художницей, которая была на двенадцать лет старше его.

Факт отсутствия отпрысков у младшего брата являлся, бесспорно, биологическим феноменом. Рэй, во всяком случае, ни о каких племянниках не слышал.

Линия рода Этли истончалась и грозила сойти на нет, но Рэя это не волновало. Он жил ради себя – не ради фантазий отца или героического прошлого своих предков. В следующий раз он придет в Клэнтон только на похороны.

Разговора о каком-либо ином наследстве между отцом и сыном не возникало ни разу. Семейство считалось когда-то весьма состоятельным, однако деньги растаяли в воздухе задолго до рождения Рэя. Со времен Конфедерации Этли владели земельными наделами, плантациями хлопка, рабами, пароходами, банками, но к концу двадцатого века все эти активы расплылись и в плане наличных денег оказались равны нулю. Молва же упорно продолжала твердить о «наследственных капиталах».

Когда Рэю исполнилось десять лет, мальчик вдруг осознал, что родители его живут далеко не бедно. Отец – судья, дом имеет название. В Миссисипи это означало лишь одно – богатство. До своей кончины мать сумела убедить сыновей, что они по своему положению намного выше других. У них есть особняк, они пресвитериане и отдыхать каждый третий год ездят во Флориду. Семейные торжества привыкли справлять в Мемфисе, в зале роскошного ресторана отеля «Пибоди». И одежда на них – самая лучшая.

А потом Рэй решил продолжить учебу в Стэнфорде⁴. Пелену с глаз сорвала фраза отца:

– Это мне не по плечу.

– Что ты имеешь в виду?

⁴ Частный университет, один из лучших в США. Расположен в штате Калифорния, к югу от Сан-Франциско.

– То, что сказал. Стэнфорд мне не по плечу.

– Не понимаю.

– Тогда скажу проще: можешь учиться где хочешь. Если выберешь колледж в Сьюани, я готов оплатить твою учебу.

Не отягченный родительскими деньгами, Рэй отправился в Сьюани, куда отец отсылал ему сумму, едва достаточную для оплаты лекций, учебников и весьма скромного проживания. Юридический факультет молодой человек оканчивал в Тулейне⁵, подрабатывая официантом ночного бара во Французском квартале.

На протяжении тридцати двух лет отец получал жалованье председателя окружного суда. Его должностной оклад считался одним из самых низких в стране: больше зарабатывал даже таксист. Еще в Тулейне Рэй прочел как-то отчет о расходах на содержание судейского аппарата и с горьким недоумением обнаружил, что годовой доход судьи в Миссисипи составлял около пятидесяти двух тысяч долларов, тогда как по стране в целом он равнялся девяноста пяти.

Овдовев, отец денег на содержание дома почти не тратил и обходился без вредных привычек – если забыть о трубке, которую набивал самым дешевым табаком. Ездил он на стареньком «линкольне», ел, причем в изрядных количествах, дурно приготовленную пищу, носил черные костюмы, что были сшиты еще в пятидесятых, и знал единственную страсть – благотворительность. Судья копил деньги лишь для того, чтобы пожертвовать их другим.

Никто не знал, какими суммами исчислялась его благотворительность. Десять процентов дохода автоматически шло на счет пресвитерианской церкви. Две тысячи долларов в год получал колледж в Сьюани, столько же судья перечислял фонду «Дети конфедератов». Три этих адресата были Рэю известны. О других он и понятия не имел.

Деньги судья давал любому, кто удосуживался их попросить. Матери увечного ребенка – на инвалидную коляску. Группе местных рок-музыкантов – для поездки на всеамериканский конкурс. Активистам городского отделения клуба «Ротари»⁶ – чтобы могли вылететь в Конго и сделать детишкам прививки от оспы. Приюту для бездомных собак. Краеведческому музею Клэнтонна – на новую крышу...

Список был бесконечным. Чтобы получить чек, следовало лишь написать кратенькое письмецо и указать требуемую сумму. Бескорыстное начинание захватило судью Этли сразу после того, как оба его сына встали на ноги. Никому еще не приходилось получать от него отказа.

Перед глазами Рэя возник образ отца: судья сидит за покрытым пылью столом, выстукивает двумя пальцами лаконичные послания и сует их в конверты вместе с неразборчиво заполненными чеками – пятьдесят долларов одному просителю, сотню – другому, и так до тех пор, пока не опустеет кошелек.

Особых сложностей с поместьем не возникнет: скрупулезная инвентаризация явно ни к чему. Пожелтевшие от времени юридические справочники, разохшаяся мебель, трогательные безделушки, альбомы с семейными фотографиями и кучи папок с архивными бумагами. Мусор, годный лишь на то, чтобы в дождливый день разжечь хороший костер. Ничего, Рэй и брат продадут участок вместе с особняком за любую сумму. Оба будут рады выручить за доставшееся наследство хоть какие-нибудь деньги.

Форресту, конечно, нужно позвонить, но, слава Богу, это всегда успеется. Иметь дело с братом намного обременительнее, нежели с умирающим, одержимым мыслью облагодетельствовать человечество отцом. В свои тридцать шесть лет Форрест продолжал оставаться сушим

⁵ Престижный частный университет в Нью-Орлеане, штат Луизиана.

⁶ Местное отделение элитной общественной организации «Ротари интернэшнл», объединяющей влиятельных представителей деловых кругов.

enfant terrible⁷, мальчишкой, испорченным всеми мыслимыми и немыслимыми сторонами американского образа жизни.

«Ну и семейка!» – вздохнул Рэй.

Он вышел в коридор, прикрепил к доске объявлений листок, где говорилось о том, что назначенная на одиннадцать тридцать лекция отменяется, и неторопливо зашагал к выходу. Пора на терапию.

⁷ «Ужасный ребенок» (*фр.*) – человек, который ставит окружающих в неловкое положение своей бестактной непосредственностью.

Глава 2

Весна в Пидмонте, долина Шенандоа. Прозительно-голубое, без единого облачка небо, яркая зелень холмов, уходящие к горизонту ровные ряды хлопчатника. По прогнозу синоптиков, дождь ожидается только завтра – хотя жители центральной части штата Виргиния не привыкли верить прогнозам.

Налетав почти триста часов, Рэй поставил себе за правило во время ежеутренней пятимильной пробежки то и дело посматривать на небеса: бегать можно в любую погоду, а вот летать – нет. Он дал страховой компании твердое слово, что не станет поднимать машину в воздух ночью и откажется от полетов в облаках. Девяносто пять процентов всех катастроф с небольшими самолетами произошло либо по причине плохих погодных условий, либо из-за недостаточной видимости, поэтому даже после трех лет за штурвалом Рэй очень скромно оценивал собственный опыт. Он был абсолютно убежден в справедливости присловья, гласившего: «Бывают пилоты старые, бывают дерзкие, но не бывает старых дерзких пилотов».

Кроме того, исключительная по красоте природа центральной Виргинии вряд ли заслуживала того, чтобы любоваться ею сквозь низкую облачность. Рэй всегда выжидал хорошей погоды, когда взлет и посадку не осложняет боковой ветер, когда не застлан дымкой горизонт, а барометр не предвещает грозы. Чистое во время пробежки небо обычно определяло распорядок всего дня. Рэю не составляло никакого труда перенести на пару часов обед, отменить лекцию или повременить с работой в архивах до той поры, когда разверзнутся хляби небесные. Благоприятный прогноз означал одно: можно смело отправляться в аэропорт.

Аэропорт находился к северу от города, в пятнадцати минутах езды от университета. За решетчатыми воротами Рэя грубоватыми армейскими шутками приветствовали Дик Докер, Чарли Йейтс и Фог Ньютон, вышедшие в отставку морские летчики и владельцы частной школы, где азы летного мастерства постигали пилоты-любители всей округи. Троица рядком восседала в старых театральных креслах, стоявших у входа в школу. Здесь, в «кокпите», бывшие асы поглощали галлоны кофе, делились воспоминаниями и сочиняли немыслимые профессиональные байки. Каждый клиент вне зависимости от того, новичком он был или ветераном, получал от троицы свою порцию весьма едких насмешек. Замечания звучали подчас почти оскорбительные, кое-кто обижался, однако инструкторов это ничуть не беспокоило. Выплачиваемые министерством обороны кругленькие пенсии делали их неуязвимыми.

Появление Рэя спровоцировало череду забористых, но лишенных даже намека на юмор анекдотов о юристах.

– Ясно, почему вы лишились клиентуры, – невозмутимо бросил Рэй, заполняя бланк предполетного осмотра машины.

– Куда намерен двинуть сегодня? – поинтересовался Докер.

– Так, проделаю пару дырок в небе.

– Какая неосмотрительность! Смотри, парень, придется натравить на тебя службу воздушного контроля.

– Для этого ты слишком ленив, Дик.

Через десять минут, потраченных на беззлобные препирательства и оформление необходимых бумаг, Рэя милостиво отпустили. За восемьдесят долларов в час он получил в свое полное распоряжение «сессну», птичку, которая вознесет его на милю от земли – подальше от телефонов, запруженных улиц, студентов, рутины архивов и, по крайней мере на сегодняшний день, от умирающего отца, беспокойного брата и тех изматывающих душу хлопот, что навалятся завтра.

Сбоку от взлетной полосы тянулся ряд из тридцати легких крылатых машин. По большей части это были почти игрушечные «сессны», самые, наверное, надежные среди созданных

человеком миниатюрных летательных аппаратов. Но в этом ряду обращали на себя внимание и несколько куда более солидных бортов. Рядом с машиной Рэя стоял одномоторный красавец «бонанза», под капотом которого прятались двести лошадиных сил. Чтобы научиться держать в повиновении этот табун, Рэю потребовался бы всего месяц. Крейсерская скорость «бонанзы» была на семьдесят узлов выше, чем у «сессны», а его оборудование и приборная доска являлись пределом мечтаний любого пилота. Хуже того, неделю назад «бонанзу» выставили на продажу – всего за четыреста пятьдесят тысяч! Владелец машины занимался строительством торговых центров и, судя по поступившей из «кокпита» информации, твердо вознамерился пересесть за штурвал престижного «кинга», настоящего короля воздуха.

С сожалением отвернувшись от элегантного соседа, Рэй приступил к детальному осмотру своей «сессны». Скрупулезно, как и всякий любитель, следуя инструкции, он проинспектировал каждый узел. В ходе учебных занятий Фог Ньютон не упускал случая, чтобы не ужаснуть подопечного леденящей душу историей о том, во что обходится нерадивым дилетантам собственная беззаботность.

Когда с осмотром было покончено, Рэй забрался в кабину и перехлестнул тело ремнями. Музыка прозвучал в ушах ровный рев двигателя, ожили наушники. Обведя взглядом многочисленные циферблаты, он связался с диспетчерской башней и получил разрешение на взлет. После короткого разбега «сессна» взмыла в воздух. Поворотом штурвала Рэй направил самолет на запад, к долине Шенандоа.

В четырех тысячах футов от земли машина проплыла над вершиной Эфтон-Маунтин. Поднимавшиеся от склонов турбулентные потоки вызвали ощутимую, но в общем-то абсолютно ничем не угрожавшую тряску. Когда под крыльями раскинулись зеленые поля хлопчатника, самолет выровнялся. Согласно прогнозу, видимость составляла двадцать миль, но на деле с такой высоты глазу открывались поистине необозримые дали. Ни дымки, ни облачка. Пять тысяч футов, линию горизонта рвут острые пики горного хребта, который пересекает Западную Виргинию. Отрегулировав подачу топлива, Рэй впервые после взлета расслабил мышцы.

Звучавшие в наушниках чужие переговоры с землей смолкли. Возобновятся они лишь при полете к Роуноуку – диспетчерской вышке, что стоит милях в сорока южнее. Рэй решил обогнуть Роуноук.

В окрестностях Шарлотсвилла услуги психоаналитика – это было ему известно по личному опыту – стоят порядка двухсот долларов в час. Полеты обходились куда дешевле, да и эффект от такой «терапии» был намного благотворнее. Но подобрать себе новое хобби Рэя заставил все-таки врач. Одно время Рэй приходил к нему на прием – ведь нужно же хоть с кем-то общаться. Спустя месяц после того, как миссис Этли подала на развод, уволилась с работы, собрала свои вещи и навсегда покинула дом (с ее методичностью на все это потребовалось менее шести часов), Рэй навестил психоаналитика в последний раз – чтобы прямо от его порога направиться в аэропорт и подвергнуть себя граду уничтожающих насмешек то ли Дика Докера, то ли Фога Ньютона. Сейчас он уже не мог вспомнить.

Колкие фразы принесли облегчение: здесь по крайней мере к нему не безразличны. Быстро осознав, что добродушные издевки не смолкнут, Рэй почувствовал себя в родной стихии. Уже четвертый год он бороздил кристально-чистое небо, привыкнув усмирять вспыхивавший иногда в душе гнев, смахивая случайную слезинку, исповедуясь пустому соседнему креслу. «Забудь, нет ее, нет, – отвечало кресло. – И не будет».

Одни женщины уходят, а потом возвращаются. Уход других вызывает мучительные воспоминания. Решительность третьих не позволяет им, уходя, хотя бы оглянуться назад. Вики спланировала свой уход столь четко и осуществила его столь хладнокровно, что, юрист до мозга костей, Рэй честно сказал себе: «Парень, выброси ее из головы».

Похоже, Вики удалось заключить более выгодную сделку. Так поступает спортсмен, когда перед началом соревнований вдруг уходит в другую команду: новая форма, ослепительная

улыбка фотографам и – на старт! Проводив одним прекрасным утром Рэя на работу, Вики бросила в багажник машины свои туалеты и укатила. Через двадцать минут она уже была в просторном особняке, выстроенном на ранчо, что располагалось к востоку от города. Возле мраморной лестницы с распахнутыми объятиями и брачным контрактом ее встретил Лью Родовски, более известный в округе как Носорог. Повадка истинного хищника позволила Лью вырвать из дебрей Уолл-стрит состояние в полмиллиарда долларов. На шестьдесят пятом году жизни он удалился от дел, по никому не известной причине осел неподалеку от Шарлотсвилла и начал разводить лошадей.

В какой-то момент пути Носорога и Вики пересеклись, он запихнул в утробу новой знакомой двух младенцев – отцом которых должен был стать Рэй! – и теперь, заведя очередную семью, явно рассчитывал снискать восторженное почтение местных жителей.

– Хватит! – приказал себе Рэй.

Возглас прозвучал неожиданно громко, но откликнуться было некому. На высоте пяти тысяч футов отсутствовало даже эхо.

Рэй надеялся, что мозг брата не одурманен алкоголем или наркотиками, – хотя подобные надежды часто оборачивались разочарованием. После двадцати лет, в течение которых Форрест долгие недели проводил в различных клиниках, было весьма сомнительно, чтобы он избавился наконец от своих пристрастий. Сейчас Форрест почти наверняка на мели, это вполне соответствовало божественному образу жизни. А если брат на мели, то активно занят поиском денег и уже до цента просчитал причитающуюся ему долю наследства.

Доллары, что оставались у отца после щедрых жертвований, уходили на безуспешные попытки избавить Форреста от его пагубных привычек. Такие попытки на протяжении многих лет предпринимались столько раз, что судья, с присущей лишь ему одному категоричностью, фактически отказался от общения с младшим сыном. Убежденный в собственной правоте, он расторгал браки, лишал родительских прав, отправлял на принудительное лечение, а то и просто за решетку, недрогнувшей рукой подписывая строгий вердикт. В самом начале карьеры источником своих полномочий судья полагал законодательство штата Миссисипи, однако по прошествии пяти или семи лет единственным для него авторитетом стал Господь Бог.

Если кто-нибудь из отцов мог отречься от собственного сына, то в Соединенных Штатах таким человеком был именно бывший председатель окружного суда и советник юстиции Рой-бен В. Этли.

Форрест привык делать вид, что изгнание ничуть его не тревожит. Считая себя личностью абсолютно свободной, он со спокойным удовлетворением не показывался на пороге отчего дома уже девять лет. Как-то он навестил судью, лежавшего с инфарктом в палате кардиологического центра, причем, поразительно, явился туда трезвым. «Пятьдесят второй день, братец», – с гордостью шепнул он Рэю, когда оба шагали по пустынному коридору. В очередной раз выходя из клиники, Форрест неизбежно исполнялся стремлением побить предыдущий рекорд.

Если судья включил-таки непутевого отпрыска в число своих наследников, то подобное решение изумит Форреста. Младший сын понимал, что в лучшем случае может рассчитывать лишь на какие-то крохи.

Над прихотливым изломом ущелья Нью-Ривер, Западная Виргиния, Рэй совершил пологий разворот и лег на обратный курс. Хотя полеты и обходились дешевле, нежели услуги психоаналитика, они тоже стоили денег. Ничего, пусть только купленный неделю назад лотерейный билет принесет удачу, тогда можно будет приобрести «бонанзу» и летать, где душе угодно. Через пару лет университет должен предоставить Рэю годичный отпуск для научной работы: нужно же когда-то закончить фундаментальный восьмисотстраничный труд по промышленным монополиям! Вот тогда-то он сядет за штурвал «бонанзы» и растворится в небесах.

В двенадцати милях от аэропорта Рэй связался с башней и получил разрешение заходить на посадку. Слабый встречный ветер не сулил никаких неожиданностей. Когда до начала посадочной полосы оставалось менее полутора тысяч футов, в наушниках раздался голос еще одного пилота:

– «Челленджер», бортовой номер два-четыре-четыре-дельта-майк, нахожусь в пятнадцати милях к северу.

– Будьте внимательны, «челленджер», перед вами снижается «сессна», – ответил диспетчер.

Выбросив из головы мысли о неприятном соседстве, Рэй сосредоточил внимание на рычагах управления. Колеса шасси мягко коснулись бетона, и вскоре «сессна» уже вырубивала с полосы к месту своей стоянки.

«Челленджер» представлял собой небольшой реактивный самолет канадского производства. Он мог без промежуточных посадок долететь от Нью-Йорка до Парижа. В воздухе над Атлантикой стюард предлагал пассажирам неплохой выбор горячих блюд и изысканных напитков. За новую машину покупатель платил что-то около двадцати пяти миллионов долларов. Точная цена зависела от прихотей конкретного заказчика.

Владельцем бортового номера два-четыре-четыре-дельта-майк являлся Носорог, выкупивший «челленджер» за гроши у какой-то разорившейся благодаря его стараниям компании. Провожая взглядом изящный силуэт самолета, который уже скользнул с небес к полосе, Рэй пожелал, чтобы машина врезалась в землю. Разумеется, этого не произошло, и «челленджер» благополучно порулил в сторону частного ангара.

За миновавшее после развода время Рэй всего пару раз видел бывшую жену и сейчас не испытывал ни малейшего желания наблюдать за тем, как Вики спускается по трапу. А может, ее нет на борту? Может, Родовски вернулся из очередного, совершенного в одиночку, опустошительного набега на бывших конкурентов?

Рэй отключил подачу топлива и, глядя на приближающуюся машину, начал медленно сползать по спинке кресла.

Когда футах в ста от него «челленджер» остановился, из ворот аэропорта с включенными фарами к ангару на скорости рванул сияющий черным лаком джип с тонированными стеклами. Впечатление было такое, будто в захолустный Шарлотсвилл прибыл член королевской семьи. Из автомобиля выпрыгнули двое одетых в оливкового цвета рубашки и такие же шорты молодых людей. Дверца самолета распахнулась, к земле опустилась лестница трапа. Чуть приподняв голову, Рэй увидел, как на нее ступил пилот с двумя объемистыми сумками в руках.

Следом появились в сопровождении Вики фигурки близнецов. Мальчикам, Симмонсу и Рипли, шел третий год. Кто, интересно, выбрал для них эти напрочь лишённые каких-либо признаков пола имена, подумал Рэй, – бездумная мать или же сам Носорог, успевший наплодить уже девятерых и, по-видимому, безразличный к тому, как назвать пару новых сыновей? О рождении мальчиков Рэй узнал из колонки местной газеты, где сообщались городские новости. На свет Симмонс и Рипли появились в госпитале имени Марты Джефферсон спустя двадцать четыре дня после того, как развод супругов Этли вступил в законную силу, или, пользуясь другой точкой отсчета, на двадцать третий день совместной жизни молодоженов Вики и Люю. Для Родовски этот брак был четвертым.

Крепко держа сыновей за руки, Вики осторожно спускалась по ступенькам трапа. Принадлежавшие мужу пятьсот миллионов долларов выгодно оттеняли ее красоту: сшитые на заказ джинсы на длинных ногах – ногах, которые стали значительно стройнее, если сравнить с временами, когда их обладательница еще не располагала собственным реактивным самолетом. Лечебное голодание способно творить чудеса. Мало кого из мужчин внешность Вики оставила бы сейчас равнодушным: аристократически тонкие лодыжки, плоский животик, небольшие, задорно приподнятые ягодицы, гладкие упругие щеки. Глаз ее Рэй видеть не мог – они были

скрыты под тенью широкополой шляпы, творением парижского – или голливудского? – кутюрье.

Носорог же диетой себя не утруждал. Возвышаясь в дверном проеме, он нетерпеливо покусывал нижнюю губу, ожидая, когда самка с пометом ступит на землю. Газетных репортеров Родовски уверял, будто трижды в неделю пробегает марафонскую дистанцию, однако лишь немногие наивно принимали его слова на веру. Приземистый, коренастый Лью прежде всего заявлял о себе громадным животом. Значительная часть его шевелюры исчезла, а прожитые годы сделали пепельно-серой оставшуюся. Вики же на сорок втором году жизни вполне могла сойти за тридцатилетнюю. Носорогу исполнилось шестьдесят четыре, а большинство окружающих давали ему семьдесят. Это приносило Рэю хоть какое-то утешение.

Супруги забрались в джип. Пилот вместе с напарником и двумя водителями укладывали в просторный багажник саквояжи, сумки, бесчисленные фирменные пакеты с именами Сакса и Бергдорфа⁸. Завершение короткой прогулки по Манхэттену, всего-то сорок пять минут лёта для «челленджера».

Джип почти бесшумно взял с места. Спектакль был окончен. Рэй с наслаждением выпрямился. Не души его ярость, он бы еще долго сидел в кабине «сессны», предаваясь воспоминаниям.

Ничто в семейной жизни не предвещало краха. Не было ни сцен, ни выяснения отношений. Вики просто подвернулась сулившая хорошую прибыль сделка.

Только открыв дверцу, Рэй осознал, что воротник куртки насквозь пропитался потом. Тыльной стороной ладони вытер лоб, спрыгнул на землю.

Впервые за три года он пожалел, что приехал в аэропорт.

⁸ Фешенебельные магазины одежды на Пятой авеню Нью-Йорка.

Глава 3

Здание юридического факультета соседствовало с факультетом экономики бизнеса. Оба находились на северной оконечности кампуса, широко раскинувшегося к востоку от городка ученых, который был заложен еще Томасом Джефферсоном⁹.

В университете, где воля и архитектурные вкусы его основателя были окружены безмерным почтением, это здание считалось образчиком безликого зодчества начала 70-х: невысокий параллелепипед из красного кирпича, методично расчлененный вертикальными плоскостями зеленоватого стекла. Правда, благодаря многочисленным спонсорам, что оплатили труд ландшафтных дизайнеров, композиция в целом смотрелась довольно неплохо. Юридический факультет входил в десятку сильнейших в стране, и это являлось предметом законной гордости как преподавателей, так и студентов. Лишь немногие члены «Лиги плюща»¹⁰ выглядели в глазах обывателя более престижными, среди же государственных школ равных ему просто не существовало. На восемьдесят мест первокурсников ежегодно претендовали около тысячи абитуриентов.

Рэя полностью удовлетворяло чтение курса по ценным бумагам в стенах Северо-Восточного университета¹¹. Но примерно через год после зачисления в штат некоторые его монографии привлекли внимание руководителей исследовательского центра, и вскоре молодому преподавателю предложили перебраться на Юг. Будучи родом из Флориды, Вики быстро освоилась с подчиненной четкому ритму деловой жизнью Бостона. Однако привыкнуть к промозглой местной зиме оказалось выше ее сил. Супруги без колебаний сменили суетный мегаполис на тихую идиллию Шарлотсвилла. Рэй занял должность профессора, Вики с блеском защитила докторскую по романским языкам. Они уже планировали обзавестись потомством, когда царивший в семье покой рухнул под натиском Носорога.

В жизнь вторгается посторонний мужчина, начинает твою жену своими детишками, уводит ее с собой. Естественно, у тебя возникают к нему некоторые вопросы, как, собственно говоря, и к ней. Первые дни после ухода Вики Рэй просто не мог спать – так хотелось ему задать эти вопросы. Но с течением времени он осознал, что уже не сумеет заглянуть Вики в глаза. Боль начала стихать, однако инцидент в аэропорту разбередил старую рану. На пути от стоянки машин к кабинету Рэй снова и снова пытался найти ответ: почему? Почему?

На работе он привык засиживаться допоздна. Дверь кабинета оставалась открытой, приглашая зайти любого, а студенты, как назло, беседе с профессором предпочитали теплыми майскими вечерами совершенно иные занятия.

Рэй еще раз перечитал письмо отца и вновь испытал тягостное ощущение несвободы.

В пять вечера он запер кабинет, вышел из здания и направился к спортивному комплексу, где на поле для софтбола студенты-третьекурсники яростно атаковали ворота команды преподавателей. Первый тайм профессура позорно проиграла, и ход второго не оставлял сомнений в том, кому достанется победа.

Трибуна была заполнена жаждавшими крови студентами первого и второго курсов. Самые азартные расселись на невысокой деревянной загородке, возле которой капитан команды противника безуспешно пытался втолковать что-то своим игрокам. Чуть левее трибуны вокруг двух вместительных холодильников толпились легкомысленные первогодки. Пиво текло рекой.

⁹ Томас Джефферсон (1743–1826) – третий президент США (1801–1809), один из «отцов-основателей» страны. В 1819 г. создал Виргинский университет.

¹⁰ «Лига плюща» – группа наиболее престижных университетов США.

¹¹ Самый крупный в США по числу студентов частный университет. Находится в Бостоне, штат Массачусетс.

Более притягательного уголка весной в кампусе не найдешь, подумал Рэй, высматривая местечко. Девушки в коротеньких юбочках, холодное пиво, ликующие возгласы, шуточные потасовки – во всем чувствовалось предвкушение лета. Изнывающему в свои сорок три года от одиночества Рэю ужасно хотелось вернуться в бесшабашное студенческое прошлое. Преподавание, уверяли товарищи по работе, дает душе возможность оставаться молодой, заряжает мозг энергией. Очень может быть. Но сейчас Рэя грызло острое желание опрокинуть банку леяного пива, подмигнуть приятелям и усесться вплотную к какой-нибудь симпатичной девчонке.

Стоявшие группкой по правую сторону от трибуны немногочисленные коллеги со снисходительными улыбками взирали на то, как их друзья выдвигаются на исходные позиции. Кое-кто прихрамывал, у некоторых колени охватывал эластичный бинт. Среди зрителей Рэй заметил Карла Мерка – заместителя декана факультета и своего лучшего друга. Карл опирался на загородку: воротник рубашки расстегнут, галстук болтается, пиджак заброшен на плечо.

– Полный разгром? – приблизившись, спросил Рэй.

– Подожди, ты еще не видел игры.

В Шарлотсвилл Карл приехал из крошечного городка, затерянного на просторах Огайо, где отец его, окружной судья, слыл местным святым и являлся крестным едва ли не каждому появлявшемуся в семьях сограждан младенцу. Как и Рэй, Карл без сожаления оставил родные места и поклялся в душе, что никогда туда не вернется.

– Да, первый тайм я пропустил.

– Жаль. Было всего две подачи, а счет семнадцать – ноль.

Подающий команды третьекурсников вбросил мяч. Левый нападающий и центрфорвард бросились в атаку, но противник успел перехватить инициативу. Пару раз мяч свечой взмыл в воздух, скрылся на мгновение под кучей тел и каким-то чудом оказался вдруг в воротах преподавателей. Восемнадцать – ноль. Трибуна взорвалась криками.

– Дальше будет еще хуже, – сквозь зубы процедил Марк.

Он не ошибся. После третьего гола Рэй решил, что с него достаточно.

– В начале следующей недели мне придется съездить домой, – сказал он, когда проигрывающая сторона взяла тайм-аут.

– Какие-нибудь неприятности? Опять похороны?

– Пока нет. Отец созывает семейный совет, на повестке дня вопрос об имени.

– Извини.

– Не за что. Имение яйца выеденного не стоит, делить там совершенно нечего. Предстоит рутинная морока.

– Из-за брата?

– Не знаю, кто из них докучливее – он или отец.

– Что ж, крепись.

– Как-нибудь. Студентов своих я предупрежу, оставлю им задание. Учебный процесс не пострадает.

– Когда отправишься?

– В субботу. Здесь рассчитываю быть во вторник или в среду, но без гарантии.

– Не переживай. – Карл повернул голову к полю. – Скорее бы они нас разгромили!

В это мгновение мяч вкатился в ворота меж ног вратаря.

– Вот и конец, – сказал Рэй.

* * *

Ничто не портило Рэю настроение так, как мысли о поездке домой. Последний раз он посетил отчий кров больше года назад. Казалось, это было вчера.

В киоске, торговавшем мексиканской снедью, он купил наперченный буррито¹² и съел его возле уличного кафе, где обычно собирались черноволосые выходцы из Латинской Америки. Мэйн-стрит давно стала пешеходной: антикварные и букинистические лавки, уютные магазинчики, развешанные на нижних ветвях деревьев клетки с певчими птицами. В сухую и ясную погоду, такую, как сейчас, официанты выносили из ресторанов столики под открытое небо, застилали их белоснежными скатертями.

Оставшись после развода в полном одиночестве, Рэй перебрался из просторного особняка в центр города, где старые, еще довоенной постройки здания были отреставрированы и оснащены современными удобствами. Квартира из шести комнат располагалась над магазинчиком торговца персидскими коврами. Не реже раза в месяц Рэй приводил домой своих студентов, из ближайшего ресторана им приносили лазанью и пять-шесть бутылок красного вина.

Уже почти стемнело, когда он ступил на лестницу, что вела к дверям квартиры. Обитал в ней Рэй совершенно один: ни любимого пса, ни кошки, ни хотя бы аквариума с золотыми рыбками. За последние годы ему повстречались всего две более или менее привлекательные женщины, однако сколь-нибудь прочного союза не сложилось ни с первой, ни со второй: мешал печальный опыт. Третьекурсница Джоан Кейли неоднократно оказывала своему преподавателю знаки внимания, но Рэй упрямо отказывался замечать их. С тревогой обнаружив, что не испытывает абсолютно никакой тяги к противоположному полу, Рэй намеревался проконсультироваться с врачом; временами в голову приходила даже мысль попробовать травки.

Он включил свет, чтобы проверить записи на автоответчике.

Оказывается, звонил Форрест. Редкое само по себе, событие это вполне можно было предвидеть. Как обычно, координат своих брат не оставил. Набираясь решимости снять телефонную трубку, Рэй заварил чаю, включил музыку. Почему, интересно, разговор с родственничком всегда требует от него невероятных усилий? Откуда берется чувство подавленности? Какие они все-таки разные. У них ничего общего – кроме отца.

Он набрал номер жившей в Мемфисе Элли. Минуты две звучали длинные гудки. Наконец трубку на том конце провода сняли.

– Привет, Элли, это Рэй Этли.

– О! – Собеседница фыркнула, как если бы Рэй замучил ее своими звонками. – Его здесь нет.

– Я просто стараюсь быть вежливым. Он позвонил первым.

– Сказано: его здесь нет.

– Это я слышал. Может, существует другой номер?

– У кого?

– У Форреста. Или тот, что я набрал, самый надежный?

– Самый. Почти все время он торчит тут.

– В таком случае передавай ему привет.

Познакомился с ней Форрест в клинике. Элли привело туда чрезмерное увлечение спиртным, брата – стойкая зависимость от наркотиков. В то время Элли весила девяносто восемь фунтов¹³ и уверяла знакомых, что живет исключительно водкой. Врачи сделали свое дело. По выходе из клиники она утроила свой вес и лишь Богу известным способом умудрилась увлечь собственным примером Форреста. Став ему скорее матерью, чем подругой, Элли поселила Форреста у себя.

Рэй не успел отойти от телефона, как раздался звонок.

– Мое почтение, братец. Искал меня?

– Поиски начал ты. Как дела?

¹² Тип горячего сэндвича: мясо или бобы с сыром, завернутые в маисовую лепешку.

¹³ Один фунт равен 453,6 г. 98 фунтов – примерно 44,5 кг.

– В общем-то все было в норме, пока не пришло письмо от старика. Ты тоже получил весточку?

– Сегодня.

– Похоже, он по-прежнему считает себя судьей, а нас – набедокурившими мальчишками, а?

– Он всегда будет оставаться судьей, Форрест. Ты говорил с ним?

Брат хмыкнул, и в трубке повисло молчание.

– Последний раз я звонил ему года два назад, а навещал родные пенаты уже и не помню когда. Не уверен, что появлюсь там в это воскресенье.

– Появишься.

– Вы общались?

– Три недели назад. Он позвонил сам. Голос был никакой. Наверное, отец скоро уйдет.

По-моему, тебе следует серьезно подумать о...

– Прекрати, Рэй. Обойдись без лекций.

Некоторое время оба молчали. Еще подростком познав вкус наркотиков, Форрест за долгие годы устал выслушивать бесконечные увещевания и добрые советы.

– Извини, – сказал Рэй. – Словом, я приеду. Каковы твои планы?

– Постараюсь.

– Ты в завязке?

Вопрос звучал не очень деликатно, однако для обоих являлся рутинным, чем-то вроде «Как погода?». Ответ Форрест дал с присущей ему прямоотой:

– Сто тридцать девять дней, братец.

– Превосходно.

Превосходно... Каждый проведенный Форрестом без наркотиков день действительно мог считаться праздником, но, когда подсчет ведется в течение двадцати с лишним лет, праздновать уже нечего.

– К тому же я работаю, – с гордостью добавил брат.

– Отлично. Кем?

– Консультирую местных лекарей, которые отбивают хлеб у больниц и «скорой помощи».

Составляю за них налоговые декларации и беру процент.

Ну и убогая работенка, подумал Рэй. Но если Форрест хоть чем-то занят, то это уже достижение. За свою жизнь брат успел потрудиться судебным приставом, служащим архива, налоговым инспектором, сотрудником охранного агентства, частным детективом – то есть истоптать все низшие ступеньки карьеры дипломированного юриста.

– Что ж, неплохо.

Форрест затянул бесконечную и, как всегда, нудную историю о каком-то своем клиенте. Рэй оставил ее без внимания. Одно время брат работал даже вышибалой в стриптиз-баре, правда, недолго: будучи дважды избитым в течение ночи, он почел за благо уволиться. Вскоре после этого Форрест приобрел новенький «харлей-дэвидсон» и целый год гонял на мотоцикле по Мексике. Откуда взялись деньги, осталось тайной, покрытой мраком. Затем в Мемфисе он нанялся к некоему толстосуму – выбивать из нерадивых должников долги, но вновь доказал свою несостоятельность: силовые методы решения проблем были ему не по зубам.

Брату в голову не приходило подыскать себе достойное и вполне легальное занятие. В ходе первого же собеседования очередной потенциальный работодатель с ужасом узнавал о двух связанных с наркотиками отсидках, причем обе имели место еще до того, как Форрест достиг совершеннолетия. На этом собеседование обычно заканчивалось.

– Собираешься звонить старику? – спросил он.

– Нет. Поговорим в воскресенье, – ответил Рэй.

– Когда ты думаешь быть в Клэнтоне?

- Не знаю. Наверное, где-то около пяти. А ты?
- По-моему, он и настаивал на пяти. Так?
- Так.
- Значит, я подъеду к половине шестого. До встречи.

Минут сорок Рэй просидел возле телефона, решая, стоит ли все-таки позвонить отцу. Но какой смысл? Все, что будет сказано сейчас, можно сказать позже и не в трубку. Отец не выносил телефонные разговоры, особенно те, ради которых приходилось жертвовать драгоценными мгновениями сна. На поздние звонки он предпочитал вообще не реагировать. Если же и удостоивал абонента словом, то звучавшая в его голосе враждебность тут же заставляла человека пожалеть о том, что он набрал этот номер.

Одет судья будет в черные брюки и белоснежную рубашку с крошечными дырочками на груди, прожженными сыпавшимся из трубки пеплом. Ткань должна хрустеть от крахмала – других рубашек судья не признавал. Одна сорочка служила ему примерно десятилетие вне зависимости от количества дырок и пятен. Раз в неделю за ней приезжали из ближайшей прачечной. Под стать рубашке и галстук, темный, в узкую полоску и со строгим узлом. Другой обязательный атрибут отцовского облика – синие подтяжки.

Встретит судья сыновей в кабинете, сидя с невозмутимым видом за столом под портретом генерала Форреста. Приветствовать их на крыльце? Никогда. Пусть видят: он по-прежнему занят, даже в воскресенье. Прибыли? Будьте любезны подождать.

Глава 4

Дорога до Клэнтонна занимала примерно пятнадцать часов – с учетом того, что двигаться приходилось по переполненной трейлерами четырехполосной автостраде и подолгу выстаивать в пробках при приближении к небольшим городкам. Если поспешить, весь путь можно проделать за один день. Но Рэй никуда не спешил.

Бросив сумку с одеждой в багажник «Ауди-ТТ», двухместной спортивной модели, купленной всего неделю назад, он выехал из Шарлотсвилла. Прощаться Рэю было не с кем: его местонахождение коллег, приятелей особо не интересовало. Для себя он твердо решил ни при каких условиях не нарушать скоростной режим и по возможности держаться в стороне от автострады. Главное – избежать заторов. На кожаной подушке соседнего сиденья лежали дорожные карты, термос с крепким кофе, три тонких кубинских сигары и пластиковая бутылка минеральной воды.

Выехав из города, Рэй направил машину на запад. Минут через пять «ауди» свернула к северу, на змеившееся по зеленым холмам неширокое шоссе. О новой модели «ТТ» он узнал полтора годами ранее из рекламного буклета, но денег на покупку хватило только сейчас. Элегантный открытый автомобиль вызывал восхищенные взгляды горожан: второго такого в Шарлотсвилле не было, хотя, по уверениям дилера, модель пользовалась бешеной популярностью.

Остановившись на обочине, Рэй опустил крышу, сделал пару глотков горячего кофе, закурил сигару и тронул машину с места. Спидометр смиренно выдерживал сорок пять миль в час. Но и на этой скорости Клэнтон приближался чересчур стремительно.

Четыре часа спустя, в поисках автозаправочной станции, Рэй оказался на перекрестке крошечного городка где-то в Северной Каролине. Светофор вспыхнул красным, и прямо перед капотом «ауди» на пешеходную «зебру» ступили трое мужчин, по виду явно юристов: темные деловые костюмы, галстуки, кожаные кейсы, потертые с боков не меньше, чем ботинки всей троицы. На правой стороне улицы Рэй увидел здание местного суда. Скорее всего минуту назад мужчины покинули его, чтобы перекусить в расположенном напротив небольшом кафе. Внезапно дал о себе знать голод. Захотелось не только есть, захотелось услышать звуки человеческой речи.

Увлеченная беседой троица сидела за столиком возле окна, коллеги рассеянно крутили ложечками в чашках с кофе. Рэй устроился за соседним, попросил пожилую официантку принести сэндвич и бокал чая со льдом. Прилежно записав перечисленное в свой блокнот, та удалилась. На кухне командует, наверное, совсем старуха, подумал Рэй.

Судя по доносившимся до него фразам, все утро мужчины провели в суде, пытаясь разрешить спор о правах на участок земли где-то в окрестностях. Участок был продан, сделка оказалась нечистой, последовала тяжба. На рассмотрение пригласили кучу свидетелей, каждая из сторон выдвигала убийственные аргументы, судья разводил руками. В конце концов участники спора выдохлись и единодушно признали необходимым сделать перерыв.

«И отец хотел, чтобы этому я посвятил всю свою жизнь», – едва не сказал вслух Рэй, прячась за развернутой газетой и ловя каждое слово коллег.

Самой сокровенной мечтой судьи Ройбена Этли было дать сыновьям высшее юридическое образование и навсегда привязать их к Клэнтону. Тогда можно было бы уйти на покой и открыть семейный бизнес, небольшую, но пользующуюся безусловным авторитетом в профессиональных кругах адвокатскую контору. Под его бдительным руководством мальчики очень скоро превратятся в изощренных правоведа.

Мечта отца представлялась Рэю утопией. Как и в каждом небольшом городке на юге страны, в Клэнтоне был избыток юристов. Они сидели в кабинетах мэрии, что располагалась

напротив здания окружного суда. Они составляли большинство в органах местного самоуправления, возглавляли советы директоров банков и попечительские советы учебных заведений, они руководили общественными организациями, а многие, заняв достойное положение в церковной иерархии, обеспечивали сограждан духовной пищей. Спрашивается: согласились бы эти поборники законности принять Рэя в свои ряды как равного?

Летом, в свободное от чтения лекций время, Рэю приходилось работать на отца – обычным клерком и, разумеется, без всякого денежного содержания. В городе он знал каждого юриста. По большому счету коллеги являлись глубоко порядочными людьми. Просто их было слишком много.

Форресту едва исполнилось пятнадцать, когда стало ясно, что он – яблоко, которое стремительно катится прочь от родного ствола. Привычки и наклонности брата диктовали Рэю необходимость не то чтобы пойти по стопам отца, но забыть о честолюбивых порывах и избрать для себя образ жизни, лучше всего характеризовавшийся двумя словами: аристократическая бедность. К окончанию первого курса юридического факультета он из духа противоречия твердо решил, что ни при каких условиях не останется в Клэнтоне. Набраться храбрости и заявить об этом отцу Рэй сумел лишь год спустя, после чего возмущенный судья восемь месяцев отказывался общаться с сыном. Когда Рэй получал диплом, его брат отправился за решетку. На торжественную церемонию выпуска судья прибыл с опозданием. Он уселся в последнем ряду и ушел очень рано, не удостоив первенца ни словом. Примирил их лишь случившийся с отцом острый сердечный приступ.

И все же покинуть Клэнтон Рэя вынудила отнюдь не погоня за деньгами. Участь адвокатской конторы «Этли и Этли» была обречена с самого начала: младший партнер только ждал случая вырваться из благодетельной тени старшего.

Личность судьи Этли оказалась непомерно значимой для маленького городка.

Обнаружив после непродолжительных поисков заправочную станцию, Рэй наполнил бак и выехал на шоссе. Двигатель «ауди» невозмутимо обеспечивал машине прежнюю скорость – сорок пять миль в час. Временами скорость падала до сорока. На вершинах холмов водитель тормозил, чтобы вдоволь налюбоваться пейзажем. Затем изучал дорожную карту, отыскивая пути объезда больших населенных пунктов. Спешить было некуда: так или иначе все дороги вели в Миссисипи.

Неподалеку от границы штата Северная Каролина Рэй увидел проржавевший рекламный щит, на котором старенький мотель хвастался своими удобствами: кондиционеры, кабельное телевидение, чистые и уютные комнаты всего за 29 долларов 99 центов в сутки. Похоже, вместе с кабельным телевидением сюда пробралась и инфляция, подумал Рэй, поговорив с портье: теперь номер обходился уже в сорок долларов. На первом этаже круглые сутки работало кафе. Проглотив на ужин безвкусные пельмени, профессор уселся на деревянную скамью у входа, раскурил сигару и принялся высматривать пронесившиеся мимо редкие автомобили.

По другую сторону шоссе ярдах в ста от мотеля пустовал заброшенный кинотеатр. Когда-то зрители заезжали туда прямо на своих машинах. Вывеска с названием кинотеатра валялась в пыли, среди мятых пивных жестянок. Огромный экран стал серым, невысокие загородки по периметру давно покосились.

Такое же заведение имелось много лет назад и в Клэнтоне – у въезда в город, на обочине федеральной автострады. Принадлежало оно сети кинопроката, которая потчевала состоявшую в основном из молодежи аудиторию бессмысленными комедиями, фильмами ужасов и триллерами, предоставляя окрестным служителям церкви блестящую возможность читать каждый день в храмах гневные проповеди. В начале семидесятых порочный север решил превратить южные штаты в свалку низкопробной кинопродукции.

Подобно другим веяниям прогресса, порнография добралась до Миссисипи со значительным опозданием. Когда афиша кинотеатра объявила о выходе на экран «Группы поддержки»¹⁴, машины целую неделю без остановки проносились мимо. Но стоило менеджеру прибавить к названию фильма три жирных крестика, ХХХ, как автомобили начали сбрасывать скорость, а их водители направлялись в кафе, обмениваясь многозначительными, полными сладостных предвкушений взглядами. Первый сеанс состоялся в ночь с понедельника на вторник. Аудитория неистовствовала. Вечером вторника к окружавшим площадку кинотеатра зарослям потянулись группки подростков, причем почти у каждого на груди болтался бинокль. На следующий день полные негодования служители культа спешно организовали контратаку. Изошренной тактикой она не отличалась.

Последовав примеру борцов за гражданские права (ни малейшей симпатии у клериков они не вызывали), духовные пастыри собрали у шлагбаума кинотеатра небольшую группу воинствующих поборников добродетели. Человек пять или шесть размахивали написанными от руки лозунгами, остальные нестройно распевали церковные гимны, активисты заносили в блокнотики номера машин тех, кто намеревался попасть внутрь.

При всей своей незамысловатости мероприятие оказалось результативным: зрителей как ветром сдуло. Владельцы кинопрокатной компании предъявили церкви иск. Приверженцы пуританской морали не остались в долгу. Горожане ничуть не удивились, когда скандальная ситуация оказалась в ведении досточтимого Ройбена В. Этли, образцового прихожанина, выходца из семьи, построившей в Клэнтоне первый храм, и бессменного руководителя воскресной школы, слушатели которой еженедельно заседали в церковной трапезной.

Судебное заседание длилось три дня. Поскольку ни один из городских адвокатов не решился взять на себя защиту прокатчиков, интересы компании представляла крупная юридическая фирма из Джексона. Местные защитники горой встали на сторону Священного Писания.

Десятью годами позже, будучи уже студентом-второкурсником, Рэй ознакомился с вердиктом отца. В полном согласии с многочисленными прецедентами судья Этли подтвердил право протестующих выражать свое мнение – при условии не выходить за рамки закона. И, процитировав тут же решение Верховного суда страны по аналогичному делу, разрешил продолжить показ.

Юридически вердикт звучал безукоризненно. Политически же представлял собой форменный абсурд. Обе стороны остались неудовлетворенными. По ночам телефон в доме судьи разрывался от звонков, анонимные абоненты сыпали угрозами. С амвона Ройбен В. Этли был объявлен отступником. «Подожди до следующих выборов, пророчили святоши, – там посмотрим».

В редакции обеих городских газет, «Клэнтон кроникл» и «Форд-каунти тайме», приходили мешки писем, авторы которых гневно бичевали судью Этли за проявленное малодушие и потворство разврату. Когда нападки достигли апогея, судья заговорил. Весть о том, что воскресным утром в пресвитеранской церкви его честь намерен обратиться к согражданам, мгновенно облетела весь город. Уверенным шагом судья прошел по центральному проходу переполненного храма и поднялся на кафедру. Высокая худощавая фигура в строгом черном костюме мгновенно приковала к себе внимание аудитории.

– Судье, которого заботит не столько торжество справедливости, сколько успех на выборах, следует сжечь свою мантию и подать в отставку, – назидательно произнес он первую фразу.

Рэй и Форрест прятались в углу на заднем ряду балкона, в глазах у обоих братьев стояли слезы. Накануне они умоляли отца избавить их от необходимости присутствовать на проповеди, однако мольбы эти ни к чему не привели.

¹⁴ Название нашумевшего в 70-х годах прошлого века порнофильма.

Ройбен В. Этли объяснил малоискушенным в юриспруденции слушателям, что, вне зависимости от личных взглядов и убеждений, судья обязан руководствоваться исключительно законом. На поводу у толпы идет судья слабый – чтобы подыграть избирателям и кусать себе локти, когда впоследствии они будут обжаловать его трусливые решения в высших инстанциях.

– Можете называть меня как угодно, – заявил он в полной тишине, – но трусости от меня вы не дождетесь.

Слова эти до сих пор звучали в ушах Рэя, стоявший в отдалении отец запомнился ему гигантом, Гулливером в окружении лилипутов.

Неделю спустя недовольные выдохлись, накал страстей поутих, и одиозный фильм вновь начал приносить в кассу кинотеатра баснословную выручку. На экране мастера восточных единоборств занимались изощренным мордобоем, многочисленные зрители были в восторге. Двумя годами позже судья Этли получил на окружных выборах свои обычные восемьдесят процентов голосов.

Швырнув окурок сигары в кусты, Рэй направился в номер. Ночь принесла долгожданную прохладу. Он распахнул окно и некоторое время вслушивался в негромкий шелест проносившихся по автостраде машин.

Глава 5

У каждой улицы своя история, у каждого дома своя память. Люди, которые были счастливы в детстве, могут часами разъезжать по улочкам родного городка, с трогательным умилением вновь и вновь переживая мгновения безоблачного прошлого. Подавляющее же большинство возвращается домой лишь по нужде и стремится побыстрее покинуть отчий кров. Проведя в Клэнтоне четверть часа, Рэй испытывал острое желание без оглядки бежать из городка.

Клэнтон изменился – и остался прежним. На обочинах ведущих в город дорог выросли уродливые кварталы построек из гофрированной жести и оборудованных под жилье трейлеров. Архитектурного надзора в округе Форд, похоже, не существовало. Владелец участка мог на своей земле строить все, что ему заблагорассудится, не утруждая себя получением разрешений, без уведомления властей, не ставя в известность о своих планах даже соседей. Бюрократической волокиты требовали лишь объекты типа свинофермы или атомной электростанции. В результате из года в год Клэнтон все больше напоминал беспорядочное нагромождение коробок для обуви.

Самобытность сохранила лишь центральная часть города. Широкие тенистые улицы оставались такими же аккуратными и чистыми, как в те времена, когда Рэй мальчишкой носился по ним на велосипеде. Особняки все так же принадлежали своим прежним хозяевам, а если тех уже не было в живых, новые владельцы с вышедшей из моды педантичностью продолжали ухаживать за газонами и покрывать свежими слоями краски решетчатые ставни. Не очень опрятными выглядели только два или три дома: чувствовалось, у обитателей просто не доходят до жилища руки.

Здесь, в американской глубинке, люди упрямо придерживались неписаного правила: работать по воскресеньям – грех. В воскресный день полагалось сходить в церковь, нанести визит соседям, посидеть на скамейке возле крыльца. Как завещал нам Господь, на седьмой день человек должен отдыхать от трудов праведных.

Погода выдалась довольно пасмурной и прохладной. Чтобы убить время, остававшееся до назначенного отцом часа, Рэй медленно колесил вокруг центральной площади, пытаясь отыскать в душе хоть какое-нибудь приятное воспоминание. Вот парк, где он играл со сверстниками в индейцев, вот здание бассейна, куда он ходил вплоть до 1969 года, когда власти города предпочли лишить детишек возможности поплескаться в воде, лишь бы не допустить туда детей чернокожих. Там, где Элм-стрит перекрещивалась с Секонд-стрит, высились, соперничая шпилями, три церкви: баптистская, методистская и пресвитерианская. Сейчас они были пусты, но через час-полтора наиболее истово верующие горожане уже потянутся на вечернюю службу.

Площадь выглядела столь же безжизненной, как и улицы, что вели к ней. С населением, которое насчитывало всего восемь тысяч жителей, Клэнтон оказался городом достаточно крупным для того, чтобы содержать три или четыре магазинчика дешевых распродаж – в других маленьких городках такие давно исчезли. Но местные покупатели хранили необъяснимую верность своим торговцам. Ни одна из выходящих на площадь витрин не была заколочена. Закрытые двери лавок чередовались с дверьми банков, юридических контор, ресторанчиков – тоже, по поводу дня священного отдохновения, закрытыми.

У ворот кладбища Рэй вышел из машины и направился к фамильному участку с величественными надгробиями. Кое-кто из его предков увековечивал память об умерших родственниках мраморными монументами. Мелькнула мысль: вот куда ушло семейное богатство, о котором ему приходилось только слышать. У могилы матери Рэй остановился. Последний раз он бывал здесь годы назад. Могила располагалась на самом краю участка, в стороне от других – в семействе Этли мать считали чужой.

Не пройдет и часа, как он опустится в кабинете судьи на стул и будет, отхлебывая дурно заваренный чай, выслушивать детальные отцовские инструкции относительно его собственных похорон. Прозвучат многочисленные приказы, требования и распоряжения. Как всякий великий человек, судья с трепетной серьезностью относится к тому, чтобы оставить о себе память в сердцах грядущих поколений.

Сев за руль, Рэй направил машину к водонапорной башне: подростком он взбирался на нее дважды, причем во второй раз внизу его ждала полиция. С гримасой пренебрежения проехал мимо школы, где когда-то учился, – по окончании он дал себе слово, что никогда больше не переступит ее порога. Позади школы лежало футбольное поле, на котором Форрест забил бесчисленное количество голов в ворота соперников и едва не стал местной знаменитостью – помешало отчисление из команды.

Воскресенье, седьмое мая, без двадцати пять. Пора на семейный совет.

В «Кленовой долине» отсутствовали малейшие признаки жизни. Судя по высоте травы, лужайку перед фасадом особняка стригли несколько дней назад. Возле черного входа стоял старый «линкольн». Если бы не эти два свидетельства присутствия человека, можно было бы подумать, что в доме уже долгие годы никто не живет.

Портик фасада опирался на четыре массивные колонны. Рэй вспомнил, что когда-то они были ослепительно белыми. Теперь колонны стали зелеными: их густо обвивали плети винограда и декоративного плюща. С портика на крышу тянулись цепкие стебли глицинии. Цветочные клумбы заросли чертополохом, из трещин на бетонной дорожке лезла крапива.

Душу волной окатили воспоминания. При виде когда-то прекрасного, но давно уже запущенного здания Рэй печально покачал головой. Сердце царапнуло чувство вины. Не стоило, не стоило бросать отца. Он должен был остаться здесь, основать вместе с судьей фирму «Этли и Этли», взять в жены скромную местную девушку и нарожать кучу детей, которые беззаботно бегали бы по «Кленовой долине», радуя старика.

Рэй громко хлопнул дверцей машины, надеясь привлечь к себе внимание хозяина дома, однако резкий звук утонул в тишине. Стоявший по соседству особняк, такой же древний, как и дом отца, занимали две сестры, старые девы, уже девятое десятилетие упрямо цеплявшиеся за жизнь. Построен он тоже был задолго до войны, но ни лоз винограда, ни чертополоха у соседей не наблюдалось. Вместо сорной травы на их участке росли пять самых высоких и раскидистых в Клэнтоне дубов.

Мраморные ступени парадного крыльца оказались достаточно чистыми – похоже, их недавно подмели. Возле неплотно притворенной двери стояла метла. Судья никогда не запирает дом, а поскольку кондиционеры вызывали у него живейшее отвращение, двери и окна особняка день и ночь оставались открытыми.

Рэй сделал глубокий вдох, толкнул створку, и та с грохотом ударилась о стену. Он шагнул внутрь, замер на мгновение, принюхиваясь, готовый ощутить привычную вонь. В течение многих лет судья держал в доме наглого, с дурными привычками кота, оставлявшего свои метки на чем попало. Но вредная тварь, по-видимому, куда-то исчезла, – царивший в прихожей запах вовсе не казался отвратительным. В теплом, пронизанном мельчайшими частичками пыли воздухе плавал застоявшийся аромат крепкого трубочного табака.

– Есть кто-нибудь дома? – громко спросил Рэй.

Вопрос остался без ответа.

Прихожую, как, собственно говоря, и весь дом, заполняли картонные коробки со старыми судебными делами, которыми отец дорожил превыше всего. Оказались они здесь после того, как Ройбена В. Этли отлучили от его председательского кресла. Рэй повернул голову направо, к столовой. Обстановка за сорок лет ничуть не изменилась. Два шага по заставленному теми же коробками коридору, и он очутился на пороге отцовского кабинета.

Вытянувшись на кушетке, судья спал.

Стараясь не шуметь, Рэй направился в кухню. К его удивлению, в раковине не обнаружилось горы грязной посуды, да и полки с домашней утварью были относительно чистыми. Обычно кухня напоминала преисподнюю, но только не сегодня. Он достал из холодильника банку диетической колы, сел за стол, пытаясь решить, стоит ли ему разбудить отца прямо сейчас или же положиться на естественный ход событий. Старик неважно себя чувствует, ему необходим отдых. Маленькими глотками Рэй пил колу и посматривал на висевшие над очагом часы: до пяти вечера оставались минуты.

Ровно в пять он понял, что ждать больше не в состоянии. Чего ради было пускаться в такой путь? К делу, к делу! Рэй прошел в кабинет. Лежавший на кушетке судья не изменил позы. Рэй в нерешительности остановился. Боясь потревожить спящего, он ощущал себя вторгшимся в чужие владения.

Одет отец был в черные брюки и туго накрахмаленную белую сорочку. Облечение это Рэй помнил с детских лет. Синие подтяжки, никакого галстука, черные запонки и черные носки. С годами судья изрядно похудел, и старая одежда стала для него слишком свободной. Изможденное бледное лицо, редкие, зачесанные назад волосы. Руки скрещены на груди, почти такие же белые, как сорочка. Чуть ниже рук, на брючном ремне справа от бляхи висел небольшой пластиковый кошелек.

Рэй осторожно шагнул вперед, присмотрелся. В расстегнутом кошельке лежали ампулы с морфием. Он на долгую минуту смежил веки, затем раскрыл глаза и обвел ими комнату: стоявшее под портретом Натана Бедфорда Форреста древнее бюро с громоздким «Ундервудом» и стопкой бумаги рядом, огромный стол красного дерева, который достался в наследство от деда, что сражался плечом к плечу с великим человеком.

Ощущая на себе строгий взгляд генерала, истинного хозяина этой неподвластной времени обстановки, Рэй начал медленно осознавать, что грудь отца остается абсолютно неподвижной. Он негромко кашлянул, однако судья не шевельнулся. Тогда Рэй склонился над спящим, легонько сжал пальцами его левое запястье. Пульс отсутствовал.

Судья Ройбен В. Этли был мертв.

Глава 6

Старым креслом-качалкой с наброшенным на спинку пледом никто – за исключением кота – никогда не пользовался. Опустившись в кресло (оно просто оказалось ближе стула), Рэй надолго замер, глядя на отца, терпеливо дожидаясь, пока тот сделает вдох, поднимет голову и требовательно спросит: «Ну, а где же Форрест?»

Однако судья хранил полную неподвижность. Единственным в «Кленовой долине» живым существом был сам Рэй. Попытка трезво оценить ситуацию закончилась ничем. В доме стояла гнетущая тишина, неподвижный воздух будто загустел и не шел в легкие. Рэй не сводил глаз с восково-бледных пальцев: когда же они дрогнут? Когда наполнится воздухом, опадет и вновь начнет вздыматься грудь? Минута текла за минутой, но ничего не происходило. Отец лежал на кушетке, прямой, как доска, с аккуратно сложенными руками и сведенными вместе ногами, будто, решив вздремнуть, уже знал, что сон его окажется вечным. Плотнo сомкнутые губы сложены в подобие улыбки. Несомненно, морфий избавил судью от мучительных болей.

Когда шок немного отступил, в мозгу один за другим начали возникать вопросы. Как долго он лежит здесь мертвый? Что его доконало: рак или слишком большая доза наркотика? Не все ли равно? Может, старик специально подгадал к приезду сыновей? Где, черт побери, Форрест? Впрочем, ожидать от него помощи в любом случае не имело смысла.

Сидя наедине с усопшим, Рэй без особого труда сдерживал слезы и другие, более соответствовавшие моменту, вопросы: почему не приехал пораньше? Почему вообще так редко навещал старика? Почему не звонил ему, не писал и прочее, прочее, прочее...

Вместо того чтобы мучить себя запоздалыми раскаяниями, он опустил на колени у кушетки, положил голову на отцовскую грудь, прошептал: «Я люблю тебя, пап», а затем прочел краткую молитву. Поднявшись с коленей, Рэй, к собственному удивлению, обнаружил, что по щекам ползут слезы. Это ему не понравилось. Вот-вот заявится брат, и всякие эмоции станут совершенно излишними.

На письменном столе он увидел пепельницу с двумя трубками. Одна была пуста, чашечка другой оказалась набитой табаком, который лишь на пару миллиметров подернулся пеплом. Выдолбленная из корня вереска чашечка, казалось, еще не остыла. По крайней мере Рэю очень хотелось в это верить. Значит, судья раскурил трубку, навел в доме порядок (мальчишки не должны видеть этот бардак!), а потом, когда боли сделались невыносимыми, улегся на кушетку, принял морфий и погрузился в сон.

Возле «Ундервуда» лежал конверт плотной бумаги. На лицевой стороне крупным шрифтом отпечатано: ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ РОЙБЕНА В. ЭТЛИ. Чуть ниже указана вчерашняя дата: 6 мая 2000 года. Забрав с собой конверт, Рэй вышел из комнаты. В кухне отыскал еще одну банку колы, прошагал на крыльцо и уселся на верхней ступеньке ждать Форреста.

Позвонить гробовщикам, чтобы приехали и забрали отца еще до приезда брата? Отчаявшись найти ответ на этот вопрос, Рэй вскрыл конверт и прочел завещание. Документ уместился всего на одной страничке и не содержал в себе никаких неожиданностей.

«Подожду ровно до шести вечера, – решил он. – Если Форрест к этому времени не появится, займусь организацией похорон».

По возвращении в кабинет Рэй нашел судью лежащим по-прежнему неподвижно, но это уже не обескураживало. Рэй положил конверт рядом с пишущей машинкой, мельком просмотрел пачку сколотых скрепкой листков и внезапно ощутил какую-то неловкость. «Но ведь отец назначил меня своим душеприказчиком», – подумал он. Так или иначе возни с бумагами не избежать. Придется составлять описание имущества, оплачивать всевозможные счета, дожидаться, пока суд утвердит завещание, и лишь потом можно будет смахнуть со лба пот.

Поскольку, по воле усопшего, поместье сыновья его делили меж собой на две равные доли, особых осложнений процедура не предвещала.

Чтобы чем-то занять себя до прихода брата, Рэй принялся исследовать кабинет, невольно поживаясь от пристального взгляда генерала Форреста. Двигаться он старался бесшумно, будто все еще опасался потревожить отца. Выдвижные ящички бюро оказались набитыми всякой канцелярской мелочью. На письменном столе лежала груда почтовой корреспонденции.

Позади кушетки от пола до потолка висели полки, плотно уставленные толстыми томами юридической литературы в порыжелых от времени переплетах. Стеллаж был вытесан из древесины ореха и являлся даром безвестного душегуба, вызволенного из-за решетки дедом судьи еще в конце позапрошлого века. Так, во всяком случае, гласило семейное предание, которое никто в доме, до появления на свет Форреста, не имел дерзости оспаривать. Полки покоились на длинном основании высотой около трех футов, некоем подобии шкафа с шестью дверцами. О том, что могло таиться внутри, Рэй никогда и не догадывался: подходы к шкафу надежно блокировала кушетка.

Но сейчас одна из дверей была приоткрыта, за ней виднелись темно-зеленые конторские коробки, какие давным-давно производила в Мемфисе почтенная компания «Блейк и сыновья». В штате ее услугами пользовались целые поколения юристов. Протиснувшись за кушетку, Рэй пригнул голову.

Прямо перед дверцей, не давая ей захлопнуться, стояла коробка для хранения, по всей видимости, обычных картонных папок. Рэй сдвинул крышку, но папок внутри не увидел. Вместо них коробку наполняли аккуратные пачки банковских билетов достоинством в сто долларов. Принимая во внимание размеры коробки – восемнадцать дюймов в длину, двенадцать в ширину и не менее пяти в глубину, – пачек должно было быть более сотни. Он чуть приподнял коробку и поразился ее весу. А ведь в шкафу их стояли десятки!

Следом за первой Рэй вытянул на пол и вторую, также доверху заполненную стодолларовыми купюрами. Потом третью. В четвертой пачке оказались перетянутые полосками желтой бумаги купюры с надписью «\$2000». Он быстро пересчитал: пятьдесят три желтых ленточки.

Сто шесть тысяч долларов.

Перемещаясь на коленях вдоль шкафа и стараясь не задеть при этом кушетку, Рэй раскрыл пять оставшихся закрытыми дверей. За ними обнаружилось по меньшей мере двадцать темно-зеленых коробок.

Он выпрямил спину, неверным шагом пересек кабинет, затем прихожую, вышел на крыльцо и судорожно глотнул свежего воздуха. Перед глазами вращались разноцветные круги. С кончика носа на мрамор верхней ступени упала тяжелая капля пота.

Несмотря на то что мысли не обрели еще достаточную ясность, мозг Рэя сумел справиться с несложным математическим подсчетом. Если в каждом из находившихся в шкафу ящичков лежало около ста тысяч долларов, то общее их количество намного превышало сумму, которую судья заработал за тридцать два года своей профессиональной деятельности. Обязанности председателя суда не давали отцу возможности иметь какие-то побочные доходы, а девять миновавших после его отставки лет тоже не принесли особого богатства.

Азартные игры судью не интересовали, и ценных бумаг, насколько Рэю было известно, у него не водилось.

За окном послышался шум приближавшегося автомобиля. Рэй замер. Неужели брат? Но машина проехала мимо, и он со всех ног бросился в кабинет. Там, приподняв один конец кушетки, он переставил его дюймов на шесть от стеллажа, затем проделал то же самое с другим концом, расширяя проход. Опустился на колени, начал вытаскивать коробки. Достав пятую, Рэй с трудом поднял увесистый штабель и понес его через кухню в кладовку, где Ирен некогда

хранила швабры. После ее смерти туда, похоже, никто не заглядывал: веники и ведра с тряпками покрывала густая паутина. Он сдвинул их ногой в угол и опустил коробки на пол.

Окна в кладовке отсутствовали, из кухни она была не видна.

На обратном пути Рэй забежал в прихожую, приоткрыл входную дверь и убедился, что на дороге пока еще никого нет. В кабинете он взгромоздил одну на другую уже семь коробок, перетащил их в кладовку. Рывок к окну в столовой, взгляд во двор – и назад, в кабинет, к остывающему телу судьи. Еще две ходки, и работа завершена. В общей сложности ящиков оказалось двадцать семь. Там, где они находятся сейчас, их никому не найти, с облегчением подумал Рэй.

Стрелки часов показывали почти шесть вечера, когда он направился к машине, чтобы забрать из багажника дорожную сумку. Хотелось переодеться. В доме все было покрыто пылью, руки стали грязными, рубашка пропиталась потом. В ванной комнате на первом этаже – единственной в доме – Рэй принял душ, вытерся стареньким полотенцем и решил пройтись по особняку: не обнаружатся ли темно-зеленые коробки еще где-нибудь?

Осматривая расположенную на втором этаже спальню судьи, он услышал, как возле дома притормозила машина. Рэй кубарем скатился по лестнице и успел оказаться на крыльце до того, как Форрест выбрался из припаркованного позади «ауди» джипа. При виде брата Рэй сделал глубокий вдох и приказал себе успокоиться.

Сделать это оказалось непросто: к шоку, вызванному внезапной смертью отца, прибавилось потрясение от необъяснимой находки.

Не вынимая рук из карманов мятых белых брюк, Форрест нарочито медленно поднялся по ступеням. Бросались в глаза зеленые шнурки его тяжелых черных ботинок армейского образца. Брат вообще любил абсурдные цветовые сочетания.

– Привет, Форрест, – негромко сказал Рэй, чуть приподнимая голову.

– Привет, братец.

– Он мертв.

Поставив ногу на верхнюю ступеньку, Форрест секунду-другую оставался неподвижен, а затем устремил взгляд на дорогу. Одет он был в красную футболку, поверх которой набросил поношенный коричневый блейзер. Никто другой появиться в таком костюме на людях не рискнул бы, но Форрест, провозгласивший себя в Клэнтоне первым абсолютно свободным от каких бы то ни было условностей человеком, давно привык в любой ситуации сохранять хладнокровие.

С момента их последней встречи брат немного прибавил в весе, его округлившаяся фигура излучала спокойное достоинство. В довольно длинных, видневшихся из-под засаленной бейсбольной шапочки песочного цвета волосах светились седые пряди.

– Где он?

– Там, в доме.

Форрест шагнул к двери, и Рэй последовал за ним. На пороге кабинета старший в неуверенности остановился, скосил взгляд в сторону брата. Форрест неотрывно смотрел на отца, и голова его чуть заметно дергалась. На мгновение Рэю показалось, что брат готов рухнуть без сознания. Однако тот овладел собой. Едва слышно пробормотав: «Господи!», Форрест опустился в кресло-качалку, с недоверием глядя на неподвижное тело судьи.

– Он и в самом деле мертв? – тихо спросил брат.

– Да, Форрест.

Младший судорожно сглотнул и надтреснутым голосом произнес:

– Когда ты приехал?

Рэй сел на скрипнувший под ним стул.

– Около пяти. Вошел, увидел отца лежащим, подумал, он спит, и только позже осознал, что это уже не сон.

– Нелегко тебе пришлось, – со вздохом сказал Форрест, вытирая уголки глаз.

– Кто-то из нас должен был его обнаружить.

– Что будем делать?

– Звонить в похоронную контору.

Форрест согласно кивнул, поднялся, с опаской подошел к кушетке и коснулся руки отца.

– Когда наступила смерть? – Голос его звучал через силу.

– Не знаю. Часа два – два с половиной назад.

– А это что такое?

– Морфий.

– Думаешь, старик превысил дозу?

– Надеюсь на это.

– Мы должны были приехать раньше.

– Этой темы лучше не касаться.

Форрест обвел взглядом кабинет так, будто оказался в нем впервые. Шагнув к бюро, принялся разглядывать пишущую машинку.

– Значит, новая лента уже не понадобится, – сказал он.

– По-видимому, нет. – Рэй не сводил глаз с массивного основания стеллажа. – Рядом с «Ундервудом» лежит завещание, если оно тебя интересует. Датировано вчерашним днем.

– Что в завещании?

– Мы делим все пополам. Я назначен душеприказчиком.

– Само собой. – Форрест подошел к письменному столу, равнодушно посмотрел на стопки бумаг. – Девять лет ноги моей не было в этом доме. Трудно поверить, правда?

– Правда.

– Я заехал сюда сразу после выборов, выразить сочувствие по поводу того, что его не избрали. А потом попросил у него денег. Естественно, мы поругались.

– Оставь, Форрест.

Вспоминать о бесчисленных ссорах, вспыхивавших между братом и отцом, не имело смысла.

– Я не получил ни цента, – буркнул Форрест, выдвигая ящик стола. – Полагаю, предстоит разбирать бумаги.

– Да, только не сейчас.

– Займись ими, Рэй. Ты же душеприказчик. Возьми на себя всю эту грязь.

– Сначала нужно позвонить в похоронную контору.

– Сначала мне необходимо выпить.

– Нет, Форрест. Прошу тебя.

– Остынь, Рэй. Я привык утолять жажду тогда, когда испытываю ее.

– Это мне давно известно. Пойдем. Позвоню, и будем ждать их на крыльце.

Первым приехал полисмен, бритоголовый парень, который выглядел так, будто ему не дали досмотреть сладкий сон. Задав братьям несколько вопросов, он прошел в кабинет, чтобы освидетельствовать умершего. Перед тем как приступить к заполнению формуляров, Рэй принес из кухни кувшин ледяного чая.

– Причина смерти? – спросил полисмен.

– Рак, три инфаркта, диабет, старость, – перечислил Рэй.

Оба брата покачивались в креслах.

– Этого достаточно? – ехидно поинтересовался Форрест, никогда не испытывавший к представителям закона особого уважения.

– Будете настаивать на вскрытии?

– Нет, – хором ответили братья.

- Заполнив документы, полисмен предложил обоим расписаться и направился к машине.
- Весть облетит город за полчаса, – бросил Рэй, глядя вслед удаляющемуся автомобилю.
 - Наш славный маленький городок.
 - Кто бы мог подумать, а? Почему люди здесь так любят разносить сплетни?
 - За двадцать лет я дал им немало поводов.
 - Пожалуй...

Братья стояли на крыльце плечом к плечу, держа в руках пустые бокалы.

- Так что там, в завещании? – после долгого молчания спросил Форрест.
- Пойди прочти.
- Лень. Скажи сам.
- Отец переписал все имущество: особняк, мебель, машина, книги плюс шесть тысяч долларов на банковском счете.
- Это все?
- Все, что он указал на бумаге, – ответил Рэй, не желая лгать.
- Ну, денег-то здесь наверняка будет побольше, – заметил Форрест, уже готовый отправиться на поиски.
- Думаю, он их раздал, – спокойно возразил Рэй.
- А пенсионное пособие?
- Отец получил всю сумму наличными сразу после того, как проиграл выборы. Это было ошибкой, которая обошлась ему в несколько десятков тысяч. По-моему, деньги ушли на благотворительность.
- Ты не паришь мне мозги, Рэй?
- Брось, Форрест, нам не из-за чего спорить.
- Какие-нибудь долги?
- По его словам, долгов не было.
- Ты ничего не упустил?
- Можешь пойти и прочесть.
- Только не сейчас.
- Завещание подписано вчера.
- Думаешь, он все спланировал?
- Похоже на то.

Чуть притормозив у въезда, во двор вкатил черный фургон похоронного бюро мистера Мэйгарджела.

Форрест уткнулся лицом в ладони и беззвучно зарыдал.

Глава 7

Следом за фургоном подъехал коронер¹⁵ Торбер Форман в красном «додже», который Рэй помнил еще со студенческих времен. Минуту спустя появился его преподобие Сайлес Палмер, настоятель Первой пресвитеранской церкви, маленький, лишенный всяких признаков пола и возраста шотландец, крестивший обоих сыновей усопшего Ройбена В. Этли. Желая избежать встречи с прибывшими, Форрест спрятался на заднем дворе. Рэй выслушивал соборезнования в одиночестве. В глазах мистера Б. Дж. Мэйгарджела и почтенного Сайлеса Палмера поблескивали слезы. Торбер Форман повидал на своем веку бесчисленное количество мертвых тел. Никакого финансового интереса к новому клиенту коронер не испытывал, что позволяло ему быть предупредительно-вежливым, но не более.

Рэй провел троицу в кабинет, где джентльмены молчаливо обзрели тело судьи в течение времени, достаточного для того, чтобы Торбер официально констатировал факт смерти. Даже при этом коронер обошелся без слов, ограничившись кивком мистеру Мэйгарджелу и чуть приподнятой бровью, что красноречивее пустых фраз означало: «Мертв, можете забирать». Утвердительно кивнул в ответ и Мэйгарджел, завершая сложившийся за десятилетия совместной работы скорбный ритуал.

Торбер достал из папки лист бумаги и принялся задавать неизбежные вопросы: имя, дата и место рождения, степень родства?.. Второй раз на протяжении четверти часа Рэй категорически отказался делать вскрытие.

Сайлес Палмер сидел за письменным столом. Видно было, что смерть судьи потрясла его куда больше, чем Рэя. Как-никак долгие годы преподобный отец считал себя лучшим другом Ройбена В. Этли. Заупокойная месса, уже детально проработанная, наверняка соберет множество людей, которые знали и уважали усопшего.

– Не так давно мы с Ройбеном ее обговорили, – шепотом сообщил священник.

– Отлично, – отозвался Рэй.

– Он сам отобрал несколько псалмов и составил список тех, кто будет нести гроб.

Сам Рэй об этом еще не задумывался. Может быть, потому, что отвлекала мысль о двух миллионах долларов наличными. Мозг фиксировал слова Палмера бессознательно – куда сильнее его волновал вопрос о сложенных в кладовке коробках. Спокойнее, спокойнее, твердил себе Рэй.

– Благодарю вас, – произнес он с облегчением, сознавая, что организацию похорон собеседник полностью берет на себя.

В этот момент ассистент мистера Мэйгарджела вкатил в кабинет носилки на колесиках.

– И еще судья настаивал на бдении у гроба, – вспомнил священник.

Бдение считалось у старшего поколения неотъемлемой частью обряда. Рэй кивнул.

– Здесь, в доме, – добавил Палмер.

– Нет, только не здесь.

Рэй ощутил настоятельную потребность еще раз осмотреть особняк. Из головы не шли темно-зеленые коробки. Сколько в них? Надо бы пересчитать... Какое время это займет? А вдруг деньги фальшивые? Откуда они? Что с ними делать? Куда деть? Стоит ли посвящать в секрет посторонних? Необходимо время. Нужно подумать. Разложить все по полочкам, выработать план.

– Ваш отец оставил совершенно недвусмысленные указания.

– Простите, ваше преподобие. Бдение состоится, но не здесь.

– Могу я узнать почему?

¹⁵ Следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скоропостижной смерти.

– Из-за матери.

Улыбнувшись, Палмер склонил голову.

– Я помню вашу матушку.

– Она лежала на столе в гостиной, через которую за два дня прошел, наверное, весь город. Мы с братом спрятались наверху и проклинали отца за этот отвратительный спектакль. – В голосе Рэя звучала неумолимая твердость. – Здесь никакого бдения не будет.

Суровая отповедь была абсолютно искренней. Кроме того, Рэю не давал покоя вопрос о безопасности. Перед бдением из церкви в особняк явятся служки, чтобы навести идеальный порядок, за ними придут официанты – накрыть стол для поминальной трапезы, потом посыльный из магазина примется раскладывать цветы. И все это начнется с самого утра!

– Понимаю, – согласился Сайлес Палмер.

Ассистент покати к двери носилки, которые сзади осторожно подталкивал мистер Мэй-гарджел. Покойного с головы до ног укрывала белоснежная, заботливо подоткнутая по углам простыня. В сопровождении коронера Ройбен В. Этли покидал «Кленовую долину» навсегда.

Примерно через полчаса откуда-то явился Форрест. Правая рука его сжимала высокий, толстого стекла бокал с коричневатой жидкостью, которая никак не могла быть всего лишь ледяным чаем.

– Уехали? – спросил он, глядя на подъездную дорожку.

– Да. – Рэй сидел на ступеньках крыльца и дымил сигарой. Когда Форрест опустился рядом, старший брат явственно ощутил аромат виски. – Где ты нашел спиртное?

– У отца был тайничок в ванной. Хочешь глоток?

– Нет. И давно ты знаешь об этом тайнике?

– Уже тридцать лет.

Рэй с трудом подавил в себе желание прочесть младшему еще одну лекцию. За прошедшие годы было сказано немало слов, но без всякого результата: прожив сто сорок один день в трезвости, Форрест на сей раз решил, что с него достаточно.

– Как Элли? – выдохнув клуб дыма, поинтересовался Рэй.

– Ничего нового. Продолжает свои сумасбродства.

– Я увижу ее на похоронах?

– Нет. Набрала почти триста фунтов, при том, что сама себе поставила лимит в сто пятьдесят. Меньше ста пятидесяти – и она готова выйти из дома. Больше – запирается в четырех стенах.

– Когда же в последний раз ее вес был в норме?

– Года три или четыре назад. Нашла какого-то доктора, пригоршнями глотала его таблетки и похудела до ста фунтов. А потом, когда этот шарлатан оказался за решеткой, хапнула еще двести. Но триста фунтов – предел. Она встает на весы каждый день и очень переживает, если стрелка уходит за цифру «3».

– Я сказал преподобному Палмеру, что мы устроим бдение, но не здесь, не дома.

– Душеприказчику виднее.

– Но ты согласен?

– Конечно.

Добрый глоток виски. Долгая затяжка.

– А что эта сучка, которая тебя бросила? Как ее звали?

– Вики.

– Да-да, Вики. Она еще на вашей помолвке вызвала у меня отвращение.

– У меня, к сожалению, оно появилось гораздо позже.

– Крутится где-то неподалеку?

– Да. Видел ее на прошлой неделе в аэропорту. Спускалась по трапу личного самолета.

– По-моему, она подцепила какого-то старого пердуна, нью-йоркского толстосума?

– Ага. Давай сменим тему.

– О женщинах ты заговорил первым.

– Я был не прав.

Форрест отхлебнул из бокала.

– Хорошо. Тогда о чем? О деньжках? Где они?

Рэй вздрогнул, однако Форрест, не сводивший рассеянного взгляда с зеленого газона, ничего не заметил. Какие деньжки, братец?

– Он их раздал.

– Но почему?

– Это были его деньги, не наши.

– Мог бы и нам что-то оставить.

Несколькими годами ранее судья признался Рэю, что на протяжении пятнадцати лет потратил более девяноста тысяч долларов – пожертвования, помощь начинающим юристам, лечение Форреста. Он мог бы передать их непутевому младшему сыну – чтобы тот пропил или пронюхал всю сумму, а мог заняться благотворительностью, что и предпочел сделать. Старший твердо стоял на ногах и был способен позаботиться о себе сам.

– Он оставил нам дом.

– И что?

– При желании особняк можно продать. Правда, половина уйдет на налоги, а вступить в право наследования мы сумеем лишь через год.

– Подведи-ка черту. Что в итоге?

– Год спустя, если повезет, мы поделим пятьдесят тысяч долларов.

Безусловно, имелись и другие активы. В кладовке лежало целое состояние, но Рэю требовалось время, чтобы оценить его. Не грязные ли это деньги? Должны ли они быть включены в опись имущества? Если так, неизбежны весьма серьезные проблемы. Во-первых, нужно будет как-то объяснить их происхождение. Во-вторых, пятьдесят процентов опять-таки съедят налоги. В-третьих, набив карманы кредитками, Форрест пустится во все тяжкие и просто убьет себя внезапно свалившимся богатством.

– Значит, через год я получу двадцать пять тысяч? – уточнил Форрест.

Рэй не сумел понять, звучит ли в голосе брата разочарование или вожденный восторг.

– Что-то около того.

– Скажи, тебе самому нужен этот дом?

– Нет. А тебе?

– На кой черт? Возвращаться сюда я не собираюсь.

– Ты уверен?

– Судья выставил меня за порог, заявил, что я позорю его род. Сказал, чтоб ноги моей здесь больше не было.

– А потом попросил у тебя прощения.

Форрест быстро сделал глоток виски.

– Да хоть бы и так. Тут сама обстановка на меня давит. Душеприказчик ты, ты и разбирайся. Придет время, вышли мне чек, и дело кончено.

– Но мы оба должны по крайней мере ознакомиться со всеми документами.

– Я к ним не прикоснусь. – Форрест встал. – Хочу пива. За пять месяцев успел забыть его вкус. – Направляясь к машине, он оглянулся. – Составишь компанию?

– Нет.

– Точно?

Спокойнее, конечно, поехать с ним, подумал Рэй, однако пересилила потребность взять под охрану семейное достояние. Судья никогда не запирает дом. Где искать ключи?

- Езжай один. Я побуду здесь.
- Как знаешь.

Приход очередного посетителя не вызвал у Рэя никакого удивления. Он пытался отыскать на кухне ключи, когда за распахнутой входной дверью послышался громкий голос, который мог принадлежать лишь одному человеку – Гарри Рексу Воннеру.

Они не виделись лет пять. Обнялись. В медвежьей хватке старого приятеля плечи Рэя хрустнули.

- Очень жаль, – проговорил Гарри Рекс. – Очень, очень жаль.

Высоченный, пышнобородый, с широкой грудью и объемистым животом, он всегда искренне восхищался судьей Этли и был готов на все ради его сыновей. К нему, блестящему юристу, запертому волей судеб в крошечном городке, судья неизбежно обращался за помощью в решении связанных с младшим сыном проблем.

- Когда ты приехал? – спросил Гарри Рекс.

- Около пяти. Отец лежал на кушетке в кабинете.

– Я две недели проторчал на идиотском разбирательстве, некогда было перемолвиться с Ройбеном даже словом. Где Форрест?

- Поехал купить пива.

Опускаясь в кресла-качалки, оба ощутили бездушную жестокость этой фразы.

- Рад тебя видеть, Рэй.

- Как и я тебя, Гарри Рекс.

- Трудно поверить, что судьи уже нет.

- Да. Мне казалось, он бессмертен.

Рукавом рубашки Гарри Рекс вытер глаза.

– Жаль, жаль, – пробормотал он. – В голове не укладывается. Видел его ровно две недели назад. Старик подстригал газон. Двигался он медленно, мешали боли, но не жаловался.

– Врачи дали отцу год. Было это как раз двенадцать месяцев назад, но я думал, он продержится дольше.

- Как и я. Силы духа ему хватало.

- Чаю выпьешь?

- С удовольствием.

Рэй прошел в кухню, чтобы приготовить два стакана быстрорастворимого чая со льдом.

Вернувшись на крыльцо, протянул один Гарри Рексу.

- Вынужден предупредить: напиток далеко не перво классный.

Гость принял стакан.

- Зато холодный.

- Нужно провести прощание, Гарри Рекс, и не здесь. Что скажешь?

С секундной задержкой бородач откинулся на спинку кресла, улыбнулся:

- В здании суда, в ротонде на первом этаже. Будет лежать как монарх. Он заслужил.

- Шутишь?

- Ничуть. Ему бы это понравилось. Пусть сограждане окажут судье последние почести.

- Идея неплоха.

– Верь мне, это будет то, что надо. Я переговорю с шерифом, он согласится. Да и люди поддержат. На какой день назначены похороны?

- На вторник.

– Значит, прощание начнется завтра, после обеда. Хочешь, чтобы я сказал несколько слов?

- Естественно. Почему бы тебе не заняться всей процедурой?

- Заметано. Гроб уже выбрали?

– Еще нет. Утром.

– Берите из дуба, без дурацких бронзовых завитушек. Год назад я хоронил в таком мать, и все выглядело великолепно. Чтобы привезти его из Тьюпело, Мэйгарджелу потребуется всего два часа. И никаких склепов. К чему эти накрученные излишества? Плоть должна уходить в землю. Епископаты¹⁶ правы: другого способа нет.

Подобный натиск несколько ошеломил Рэя, но в душе он испытывал благодарность. Судья ничего не говорил про гроб, однако весьма благожелательно отзывался о склепе. В конце концов, представитель славного рода Этли имел право на достойное своих предков упокоение.

Никто на свете не мог лучше Гарри Рекса знать, чем и как жил судья. Глядя на пересекающие газон длинные тени, Рэй небрежно заметил:

– Сдается, все свои деньги отец раздал налево и направо.

– Для тебя это новость?

– Нет.

– Проститься с ним придут не менее тысячи облагодетельствованных: дети-инвалиды, калеки, у которых нет и не было медицинской страховки, учившиеся на его деньги чернокожие студенты, спортсмены и школьники, которые ездили в Европу. Наша церковь посылала на Гаити команду докторов, так судья пожертвовал четыре тысячи долларов.

– Ты-то когда приобщился к религии?

– Пару лет назад.

– С чего вдруг?

– Нашел себе новую жену.

– Это какую же по счету?

– Четвертую. Она мне нравится куда больше предыдущих.

– Рад за нее.

– Она и сама рада.

– Идея твоя, Гарри Рекс, мне по душе. И людям тесно не будет. Места для машин на стоянке тоже хватит.

– Говорю тебе, идея превосходная.

За спинами собеседников слышался визг тормозов. Остановив свой джип в нескольких дюймах от принадлежавшего Гарри Рексу «кадиллака», Форрест снял с переднего сиденья картонную коробку с бутылками пива и медленно зашагал к крыльцу.

¹⁶ Приверженцы англиканской (епископальной) церкви.

Глава 8

Усевшись в кресло, которое стояло напротив опустевшей кушетки, Рэй попробовал убедить себя в том, что его собственная жизнь после смерти отца вряд ли будет сильно отличаться от жизни вдали от него. Так или иначе уход каждого в лучший из миров неизбежен. Нормы приличия требовали от сына лишь проявления известной скорби. «Заканчивай здесь свои дела, – сказал себе Рэй, – и возвращайся в Виргинию».

Кабинет освещала слабая лампочка под покрытым пылью зеленым абажуром на древнем бюро, ее приглушенный свет едва рассеивал тьму. «Бумаги, – решил он, – разберу завтра, с этим можно не спешить».

Сегодня необходимо было подумать.

Форреста увез Гарри Рекс, причем в «кадиллак» оба садились уже изрядно подвыпившими. Впавший, как это обычно с ним происходило после выпивки, в депрессию брат вознамерился отправиться в Мемфис, на что Рэй предложил ему переночевать здесь, в доме.

– Можешь спать на крыльце, если комнаты тебя не устраивают, – предложил он без особого нажима.

Любая попытка надавить на Форреста наверняка закончилась бы ссорой. Гарри Рекс заметил, что в иных обстоятельствах с удовольствием пригласил бы Форреста к себе, но новая жена, дама с весьма строгими принципами, наверняка не придет в восторг от присутствия в доме двух пьяных мужчин.

– Оставайся, – дружески посоветовал Гарри Рекс, однако Форрест на это никак не среагировал.

Не отличаясь сговорчивостью и в трезвом состоянии, после пары стаканов спиртного брат превращался в законченного упрямец. Помня об этом, Рэй хранил молчание.

Вопрос разрешился сам собой, когда Форрест сообщил, что снимет номер в мотеле «Одинокий утес», стоявшем в северной части города.

– Местечко мне знакомо с той поры, когда лет пятнадцать назад я приезжал туда с супругой здешнего мэра.

– Там полно клопов, – предупредил Гарри Рекс.

– Меня уже мучит тоска, – отозвался Форрест.

– По супруге мэра? – осведомился Рэй.

– Оставь его, – бросил Гарри Рекс.

В начале двенадцатого они уехали, и особняк погрузился в тишину.

Входная дверь имела задвижку, а калитка во внутренний дворик была оборудована солидным засовом. Дверь, что вела со двора в кухню, не запиралась: механизм замка давно вышел из строя. Судья ни разу в жизни не брал в руки отвертку, и Рэй унаследовал неумение отца обращаться с инструментами. Тщательно проверив запоры на окнах, он пришел к выводу, что никогда еще родовое гнездо Этли не находилось в такой безопасности. «На худой конец, – подумал Рэй, – улягусь в кухне, поближе к кладовке».

С трудом отогнав мысли о пачках банкнот, он принялся обдумывать текст некролога.

На должность председателя окружного суда Этли был избран осенью 1959-го и, разбивая в пух и прах соперников, каждые четыре года продлевал срок своих полномочий вплоть до 1991-го. Тридцать два года безупречной службы. Опытнейший юрист. Всего два или три раза апелляционному суду приходилось отменять принятые им решения. Коллеги из соседних округов неоднократно просили его взять на рассмотрение то или иное запутанное дело. Почетный профессор юридического факультета Миссисипского университета, автор множества статей по теории и практике гражданского судопроизводства. Дважды ему предлагали высокие

должности в Верховном суде штата, и дважды, не желая бросать своих сограждан, он отклонял эти лестные предложения.

Когда судья Этли снимал черную мантию, то с пристрастием вникал во все аспекты жизни родного округа: политические кампании, производство общественных работ, нужды учебных заведений, деятельность церкви. Лишь очень немногие дела вершились в Клэнтоне без его одобрения, и уж считанные из них осуществлялись, если он был против. Ройбен В. Этли являлся активнейшим членом совета местного самоуправления, энергично руководил бесчисленными комитетами и конференциями. Он уверенно отбирал кандидатов на все мало-мальски значимые посты и столь же уверенно способствовал отстранению от рычагов власти тех, чья репутация оказывалась подмоченной.

В свободное время (которого, к слову, почти не оставалось) он изучал историю страны, любил перечитывать Библию, писал судебные очерки. Ни разу не довелось ему сыграть с сыновьями в бейсбол или посидеть с удочкой на берегу реки.

Судья надолго пережил свою скончавшуюся в 1969 году от аневризмы жену Маргарет и оставил после себя двух сыновей.

И на каком-то отрезке этого славного пути его засыпала лавина стодолларовых купюр.

Может, тайну происхождения денег раскроет кипа бумаг на столе? Записка в ящике? Отец, безусловно, оставил сыновьям какой-то ключ – если уж не детальное, юридически выверенное объяснение. Некая ниточка обязательно существует. Рэй и представить себе не мог, чтобы кто-то из жителей округа Форд обладал состоянием в два миллиона, причем наличными.

Банкноты необходимо было пересчитать. Дважды в течение вечера Рэй навещался в кладовку. Один вид двадцати семи темно-зеленых коробок приводил душу в смятение. «Дождусь утра, – решил Рэй. – На рассвете город будет еще спать. Опущу в кухне шторы и примусь за дело, коробка за коробкой».

Незадолго до полуночи он отыскал в отцовской спальне небольшой матрас, перетащил его в столовую и расстелил сбоку от обеденного стола так, чтобы видеть в случае нужды проход к кладовке и входную дверь. В бельевом шкафу на втором этаже обнаружился принадлежавший судье «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра.

Уткнувшись лицом в подушку, от которой исходил слабый запах плесени, Рэй попытался заснуть.

Разбудил его негромкий скрежет, который доносился откуда-то из глубины дома. Спросонок Рэй не сразу сообразил, где находится источник звука. Похоже, окно в спальне для гостей. За скрежетом послышался треск, и в то же мгновение все стихло. Рэй сунул руку под подушку, вытащил револьвер, встал. В доме царил непроницаемый мрак: почти все лампочки перегорели, а судья был слишком беден, чтобы заменить их новыми.

Слишком беден. Двадцать семь коробок, наполненных стодолларовыми банкнотами...

С утра первым делом надо купить лампочки, подумал Рэй.

Шум раздался вновь, слишком настойчивый и ритмичный для раскачивающихся на ветру ветвей. Тук-тук-тук, а затем довольно резкий толчок, как если бы кто-то снаружи пытался поднять раму окна.

Во дворе особняка стояли два автомобиля. Любому идиоту должно было быть ясно: в доме люди, но, похоже, этому было на все наплевать. Наверняка вооружен и явно управляется с пистолетом лучше Рэя...

Пыхтя с непривычки, Рэй пополз в коридор. Возле двери в кладовку замер, прислушался. Тишина. Благословенная тишина. «Уходи же, – беззвучно прошептал он. – Ради Бога, уходи».

Тук-тук-тук. Рэй пополз дальше, приподнял руку с оружием. Не пуст ли барабан, спохватился он. Нет, бесполезный револьвер судья не держал бы рядом. Шум, теперь уже более громкий, доносился из крохотной спальни, где последний гость ночевал пару десятилетий назад.

Долгие годы комнатка служила складом ненужных вещей. Рэй осторожно приоткрыл дверь, но различил в темноте лишь старые коробки из-под обуви. Створка чуть покосившейся двери распахнулась к стене и сбила торшер, который с грохотом рухнул к одному из трех имевшихся в спальне окон.

От неожиданности Рэй едва не нажал на курок и перестал дышать. Он лежал на полу, покрывался потом, вслушивался и ничего не слышал. По стенам комнаты раскачивались уродливые тени. Слабый ветер колебал ветви деревьев, и где-то ближе к крыше одна из них легонько ударялась о черепицу.

Ветер. Ветер и привидения «Кленовой долины». По словам матери, их обитало здесь великое множество. Некогда предки хоронили в подвалах особняка чернокожих рабов, чьи мятежные души внушали ужас поколениям обитателей дома.

Судья терпеть не мог этих глупых рассказней и обрывал супругу на полуслове.

Рэй перевернулся на бок, чтобы хоть немного унять ноющую боль в локтях и коленях. Минуты через три, не сводя глаз с оконных проемов, он встал, прислонился плечом к косяку. Если кто-то действительно пытался проникнуть в дом, то грохот упавшего торшера вынудил его изменить планы. С каждым мгновением Рэй все больше убеждался в том, что тревога была напрасной.

Да, Форрест оказался предусмотрительнее. При всей своей запущенности «Одинокий утес» обеспечивал случайным постояльцам неизмеримо больший комфорт, нежели особняк.

Внезапно возобновившийся перестук заставил Рэя опять распластаться на полу. Ситуация обострилась – звук теперь шел из кухни. Рэй решил прибегнуть к новой тактике: продвигаться вперед не ползком, а на карачках. К тому моменту, когда он преодолел коридор, колени почти потеряли чувствительность. У двери, что вела в столовую, Рэй замер. Его окружала полная темнота, лишь у самого потолка по стенам метались слабые отсветы раскачивавшегося на крыльце фонаря.

Ржавым гвоздем в голове засел вопрос: чем, собственно говоря, он, профессор юриспруденции, научный сотрудник престижного университета, занят, прячась в родном доме, судорожно стискивая рукоятку револьвера, содрогаясь от страха, готовый из кожи вылезти вон в отчаянной попытке защитить упавшее с неба богатство?

– Ну, ответь же, ответь, – шептал себе Рэй.

Дверь кухни выходила на небольшую террасу. По ее хлипким доскам кто-то расхаживал. Вот шаги прозвучали у самого порога, дрогнула ручка сломанного замка. Вместо того чтобы лезть через окно, непрощенный гость явно намеревался воспользоваться дверью.

Потомок нестигаемых Этли, Рэй был у себя дома. В Миссисипи жители испокон веков привыкли защищать свою собственность с оружием в руках. Ни один суд на территории штата не усомнился бы в правомочности действий человека, который пытался отстоять родительский кров. Укрывшись за массивным столом, Рэй прицелился в находившееся над раковиной окно и нажал на курок. Тишину разорвал грохот выстрела, но даже звона осколков стекла хватило бы для того, чтобы до смерти перепугать злоумышленника.

Ручка замка дрогнула еще раз. Он вновь дернул спусковую скобу. Прозвучал короткий сухой щелчок: барабан револьвера был пуст. Объятый паникой, Рэй схватил со стола пустой кувшин из-под чая и с размаху швырнул его в дверь. Акустические характеристики последствий этого броска значительно превосходили шумовой эффект выстрела. Холодея от ужаса, Рэй нащупал на стене кнопку выключателя, зажег свет и, размахивая револьвером, шагнул к двери.

– Убирайся отсюда! – прокричал он. – Вон! Вон!

От удара ногой дверь распахнулась. На террасе никого не было. Рэй опустил плечи, качнул головой и разом выдохнул распиравший грудь воздух.

Следующие полчаса он, ничуть не заботясь о соблюдении тишины, подметал осколки.

Полисмен по имени Энди оказался племянником парня, который учился в одной группе с Рэем. Данное обстоятельство выяснилось в первую же минуту разговора, и в процессе детального осмотра поместья оба уже совершенно непринужденно болтали о футболе. Как и следовало ожидать, ни на одном из окон не обнаружилось ни малейших следов взлома. Возле двери в кухню на дощатом полу террасы поблескивали крошки стекла. Пока поднявшийся на второй этаж Рэй пытался отыскать патроны к револьверу, Энди прошелся по комнатам. К финишу оба участника следственных действий пришли с пустыми руками. Рэй сварил кофе; минут через пять они сидели на крыльце и переговаривались, отхлебывая из кружек горячий напиток. Небо уже начинало сереть. В этот предрассветный час заботы о мирном сне жителей Клэнтонна целиком лежали на плечах Энди. Молодой человек честно признал, что по утрам никакой особой нужды в охране общественного порядка город не испытывал.

– У нас здесь тишь. Мало кто просыпается в такую рань.

Немного заикаясь, он поведал Рэю скупую статистику местных преступлений: угнанный на днях грузовичок, пьяная драка в придорожной забегаловке, торговля марихуаной в Лоутануне – квартале, где проживало цветное население.

– Ни одного убийства за последние четыре года, – с гордостью подчеркнул Энди. – Пару лет назад ограбили отделение банка. Я бы не отказался еще от глотка кофе.

Рэй прошел в кухню. Варить кофе он был готов до рассвета: присутствие возле особняка патрульной машины успокаивало.

Около половины четвертого утра Энди отправился в участок. Рэй с час провалялся на матрасе, разглядывая трещины на потолке, время от времени поднося к носу дуло револьвера, чтобы ощутить острый запах пороховой гари. Он гнал от себя сон и выстраивал стратегию обеспечения сохранности денег. Обойдемся без ценных бумаг, с этим можно подождать. Главное сейчас – перевезти банкноты из кладовки в более надежное место. Где его найти? В Виргинии? Оставить деньги здесь было бы абсурдом. Но сначала их нужно пересчитать. Когда?

Внезапно навалилась усталость. Сознание отступало под натиском пережитого за вечер вчерашнего дня и сегодняшнюю ночь. Рэй прикрыл глаза.

Минут через десять в особняке вновь послышался негромкий скрежет. Он ничего не слышал. Кухонная дверь, в ручку которой была вставлена ножка табурета, сотрясалась от вкрадчивых, мягких толчков.

Но Рэй спал.

Глава 9

Солнечный луч разбудил его в половине восьмого. На деньги никто так и не покусился. Двери и окна особняка оставались закрытыми – насколько это было видно. Рэй сварил кофе и, делая первые обжигающе-горячие глотки, принял решение. Если лежащие в кладовке банкноты стали объектом чьего-то пристального интереса, то бросить их без присмотра он не сможет. Ни на минуту.

Но в багажник «ауди» двадцать семь коробок просто не поместятся.

Ровно в восемь зазвонил телефон. Гарри Рекс спешил сообщить, что Форрест был благополучно доставлен в «Одинокий утес», что местные власти согласились провести церемонию прощания в ротонде сегодня, в четыре тридцать пополудни, что туда же будет приглашен церковный хор. Сам он в настоящую минуту дописывает поминальную речь.

– Насчет гроба ты что-то решил?

– В десять у меня встреча с Мэйгарджелом.

– Отлично. Настоятельно рекомендую дубовый. Судья бы это одобрил.

Пару минут они говорили о Форресте, так, ничего нового. Положив трубку, Рэй начал действовать. Первым делом раскрыл окна – чтобы видеть и слышать каждого входящего. О смерти судьи городок наверняка уже знал, в дом вот-вот потянутся визитеры.

Слишком много здесь дверей и окон. Не может же он круглыми сутками стоять на страже. Если уж кто-то вышел на охоту, то от намерения своего не откажется. Пустить пулю в голову Рэя – плевое дело, тем более что оно сулит два миллиона долларов.

Деньги было необходимо спрятать.

Рэй прошел в кладовку и вывалил все из одной коробки в пластиковый мешок для мусора. За первой коробкой последовали еще восемь. Подтащив мешок к двери в кухню, он выглянул на улицу. Никого. Так, вернуть пустые коробки под стеллаж, наполнить еще два мешка. Быстрее, быстрее! Когда с этим было покончено, Рэй сел за руль, подогнал «ауди» багажником к террасе и настороженно огляделся. Слава Богу, ни души. Соседки судьи, две старые девы, были настолько слепы, что усаживались перед экраном телевизора на расстоянии протянутой руки. За три ходки он погрузил мешки в багажник, с трудом захлопнул дверцу. Когда замок все-таки щелкнул, Рэй с облегчением перевел дух.

Пока он еще не знал, как будет, вернувшись в Виргинию, перетаскивать сокровище в свою находившуюся на оживленной улице квартиру. Об этом предстояло думать и думать.

В мотеле «Одинокий утес» имелся небольшой ресторанчик. До сих пор бывать в нем Рэю не приходилось, однако найти в городе лучшее место, чтобы позавтракать на следующий после смерти судьи день, казалось невозможным. Три кафе, что на главной площади, наверняка заполнены посетителями, а ловить краем уха досужие сплетни о великом человеке Рэй не хотел.

Брат выглядел вполне прилично. Одежда на нем была, естественно, та же самая, душем Форрест пренебрег, но для него это было нормой. Красные после изрядной дозы спиртного глаза, слава Богу, не заплыли. Спал он, по его же словам, хорошо и нуждался всего лишь в утренней стопочке. Оба заказали по яичнице с беконом.

– У тебя усталый вид, – сказал Форрест, залпом выпив чашку остывшего черного кофе.

Рэй и в самом деле чувствовал себя разбитым.

– Все в порядке. Правда, пару часов я бы вздремнул. – Он бросил взгляд на стоящую за окном «ауди». При необходимости поспать можно будет и в машине.

– Странно, – заметил младший. – Когда я трезв, сплю, как младенец, по восемь, по девять часов. Но стоит немного принять, и больше пяти не выходит, да и то не сон, а мучение.

– Интересно, вот когда ты трезв, ты уже планируешь очередной запой?

– Обязательно. То же, что с сексом. Какое-то время можешь обходиться, но давление постоянно растет, и рано или поздно тебе необходимо расслабиться. Спиртное, секс, травка – механизм действия одинаков.

– Ты держался сто сорок дней.

– Сто сорок один.

– А какой у тебя рекорд?

– Четырнадцать месяцев. Несколько лет назад я вышел из клиники, ну, той, роскошной, за которую заплатил отец, и больше года не брал в рот ни капли. А потом сломался.

– Почему? Что стало причиной?

– Все то же. Когда организм уже привык, можешь сорваться в любую минуту. Никаких средств наука пока не придумала. Твой брат плотно подсел, Рэй.

– Наркотики?

– И это тоже. Вчера вечером хватило виски и пива. На сегодня и завтра, надеюсь, тоже хватит выпивки. Но к концу недели меня понесет...

– Ты сознательно к этому стремишься?

– Нет. Просто знаю, что будет.

Официантка поставила на столик тарелки с яичницей. Форрест намазал кусок хлеба сливочным маслом и проворно заработал вилкой.

– А ведь старик все-таки умер, Рэй. Не могу себе представить, – с набитым ртом проговорил он.

Рэй с готовностью сменил тему. Стоит им углубиться в проблемы младшего брата, как ссоры не избежать.

– В принципе я считал себя готовым к этому. Но ошибся.

– Когда ты в последний раз его видел?

– В ноябре после того, как ему оперировали простату. А ты?

Из бутылочки Форрест вытряхнул на яичницу несколько капель соуса «Табаско».

– Когда у него случился инфаркт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.